

[ДЕ:КОНСТРУКТОР]

ТЕРРА-ПРАЙМ

Виктор Молотов
Александр Лиманский

Александр Лиманский
Виктор Молотов
[де:КОНСТРУКТОР]
Терра-Прайм. Том 2

<https://litres.ru/73903573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сапёр ошибается дважды в жизни. При выборе профессии и когда решает, что слишком стар для ещё одной войны.

Тридцать лет провёл в армии. Мосты, растяжки, фугасы — я всегда знал, куда бить, чтобы конструкция сложилась.

Теперь моё тело в стазисе на Земле, а сознание — в Аватаре на планете в другом мире, где динозавры так и не вымерли. Вместо базы меня выбросило на свалку. Причём я оказался там голый и без оружия. В нагрузку дали ИИ-помощницу, которая язвит чаще, чем помогает.

Мой сын пропал на базе «Восток-5», и корпорация умыла руки. А я должен его найти!

Вот только сначала справлюсь с раптором. Который уже просунул башку в мою капсулу и смотрит на меня, как на завтрак!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	44
Глава 4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Виктор Молотов, Александр Лиманский [де:КОНСТРУКТОР] Терра-Прайм. Том 2

Глава 1

Молчание длилось секунд пять. Может, семь. На стрельбище это вечность, в допросной это разминка.

Майор стоял вплотную, и я видел каждую деталь его лица, крупные поры на скулах, нитку лопнувших капилляров на левом крыле носа, седую щетину, пробивающуюся сквозь загар на подбородке.

Вой сирены наконец сдох. Последний хрип, бульканье, тишина. Остался только стук капель пены, падающей с потолка на залитый белой кашей пол, и тихое шипение Шнурка, который вцепился в мою голень и категорически не собирался отцепляться в присутствии такого количества вооружённых людей.

— Докладывай, — сказал майор. Голос негромкий, ровный, из тех, которые не нуждаются в повышении тона, потому что за ними стоит привычка отдавать приказы и не по-

вторять дважды. — Что за цирк с конями и пеной?

Я открыл рот, но Штерн оказался быстрее. Голос полковника прорезал воздух, как циркулярная пила, высокий, звенящий, с той надрывной уверенностью, которая бывает у людей, привыкших, что звание работает лучше аргументов.

— Товарищ майор, это диверсия! — Штерн шагнул вперёд, на ходу одёргивая залепленный пеной халат и пытаюсь придать себе вид, хотя бы отдалённо напоминающий начальственный. Получалось скверно. Перекошенные очки с треснувшей линзой и белые хлопья на бровях сильно портили эффект. — Проникновение на режимный объект, захват заложника, саботаж стратегического оборудования! Я требую немедленного ареста. И расстрела на месте. По законам военного времени.

Расстрела. На месте. По законам военного времени. Каждое слово он произносил с нажимом, впечатывая его в воздух, как штамп в документ. Три десятилетия в армии научили меня безошибочно отличать настоящую власть от её имитации. Настоящая власть молчит. Имитация орёт.

Майор даже не повернул головы в его сторону. Смотрел на меня.

— Он лжёт! — голос Алисы прозвучал неожиданно.

Я почувствовал, как она шагнула вперёд, встав чуть впереди и сбоку от меня, в позицию, которую в тактическом учебнике обозначили бы как «крайне невыгодную для прикрытия», а в человеческом словаре назвали бы «храброй до иди-

отизма».

Девушка подняла голову, глаза вспыхнули возмущением, кулаки невольно сжались, а тело выпрямилось. Голос, хоть и дрожал, но звучал твёрдо, как арматура в бетоне:

— Штерн нарушил регламент содержания фауны, а вместе с ним и закон. Он приказал уничтожить партию живых образцов термическим способом, чтобы скрыть следы незаконных экспериментов перед проверкой Комиссии. Пятьдесят с лишним единиц, не внесённых ни в один реестр. Я готова дать показания под протокол.

Тишина. Только капли пены шлёпали о бетон, как маленькие мокрые метрономы.

Штерн повернулся к ней. Медленно, с тем ледяным спокойствием, которое у некоторых людей наступает после вспышки ярости и которое гораздо опаснее самой ярости. Рот открылся, чтобы сказать что-то, от чего Алиса наверняка побледнела бы ещё сильнее, но майор его опередил:

— Заткнулись. Оба.

Два слова. Произнесённые тем тоном, от которого замолкают не потому, что просят, а потому, что инстинкт самосохранения перехватывает управление речевым аппаратом.

Штерн захлопнул рот. Алиса тоже.

Майор наконец сместил взгляд. С меня на Штерна, мельком, оценивающе.

Взгляд прошёлся по залу, считывая обстановку с цепкостью человека, который привык видеть всё и сразу. Задер-

жался на Алисе, скользнул по распахнутым пустым клеткам на тележке перед заглохшей печью, зацепил открытый проём выгула, откуда тянуло влажным ночным воздухом, и остановился на Шнурке, который шипел на его сапоги с убеждённой уверенностью маленького зверя, готового порвать за своего человека всё живое, включая майоров, солдат и Вооружённые Силы Российской Федерации.

Потом взгляд вернулся ко мне:

— А ты кто такой, Рэмбо недоделанный? Откуда вылез?

Хороший вопрос. Я его даже оценил. «Рэмбо» предполагало, что он видит во мне одиночку, играющего в героя. «Недоделанный» уточнило, что герой из меня так себе. Оба наблюдения были справедливыми.

Я опустил пистолет. Медленно, показательно, чтобы двенадцать стволов, направленных на меня, не дёрнулись от резкого движения. Опустил, но не отдал. Сунул за пояс, рукояткой наружу. Видно, доступно, не в руке. Компромисс.

— Тот, кто не даёт жечь казённое имущество, — сказал я. И добавил, глядя ему в глаза: — Товарищ майор.

Звание повисло в воздухе.

Майор прищурился.

Так щурится человек, пытающийся разглядеть что-то на дальней дистанции, когда оптика запотела и свет бьёт в лицо. Я видел, как работает его мозг, как он перебирает файлы, совмещая голос, интонацию, манеру говорить с лицом аватара, которое ему ни о чём не говорило. Молодое, гладкое

лицо «Трактора», лишённое шрамов, морщин и загара, которые делали когда-то моё настоящее лицо моим настоящим лицом.

— Роба у тебя знакомая, — сказал он медленно. Пальцы левой руки потёрли подбородок, и я заметил знакомый жест, привычку, оставшуюся с тех времён, когда подбородок был прикрыт подшлемником и чесался в самый неподходящий момент. — А ну представься, солдат. Полное имя.

— Роман Андреевич Корсак, — сказал я. — Позывной Кучер.

Секунда.

Я считал по привычке. Секунда, в течение которой лицо майора прошло через последовательность выражений, каждое из которых в нормальных обстоятельствах длилось бы минуты, а здесь сменялось, как кадры ускоренной плёнки. Недоверие. Узнавание. Шок. И что-то такое, чему я не подобрал названия и что заставило жёсткие морщины вокруг глаз на мгновение разгладиться, обнажив под командирской бронёй живого человека.

— Мляя... — выдохнул он. — Рома? Кучер, ты?! Живой?!

Я смотрел на его лицо и пытался совместить то, что видел, с тем, что помнил. Аватар молодил, спрямлял черты, убирал мелкие отметины прожитых лет, но кое-что не менялось. Посадка головы, чуть наклонённая вперёд, бычья, упрямая. Привычка щуриться левым глазом сильнее право-

го. Тот самый жест, когда пальцы трут подбородок, словно там до сих пор мешает подшлемник. И шрам через бровь, которого раньше не было, но который аватар скопировал с земного тела, как копирует всё, что въелось достаточно глубоко.

Гриша Епифанов. Лейтенант Епифанов, потом старлей, потом капитан. Судан, две тысячи сорок второй, когда песчаная буря накрыла колонну на марше и мы двое суток лежали в бронике, дыша через мокрые тряпки, а песок забивался в каждую щель тела и техники. Ливия, сорок шестой, штурм дворца, когда я снимал растяжки на подходе, а Гриша вёл штурмовую группу по коридорам, и мы встретились на третьем этаже, оба в крови, оба целые, и он протянул мне фляжку с водой, в которой было больше пыли, чем воды, и это была лучшая вода в моей жизни. Потом Сирия, где наши пути разошлись, и я слышал, что его перевели куда-то на восток, на повышение, а дальше военная карусель закрутила каждого по своей орбите.

И вот он стоит передо мной. Моложе, чем должен быть, в чужом теле, как и я, но с теми же глазами, с тем же наклоном головы, с тем же жестом. На другой планете, посреди химической пены и мёртвой печи.

Мир тесен. Вселенная, оказывается, тоже.

Я ухмыльнулся:

— Живее всех живых, товарищ майор. Хотя твои орлы на КПП старались это исправить.

Епифанов качнул головой. Медленно, как бык, который не может решить, злиться ему или смеяться. Улыбка пробилась сквозь суровость, треснула жёсткую маску командирского лица, как первый росток через асфальт. Мелкая, кривая, но настоящая.

— Ну ты даёшь, — сказал он тихо. — Я думал, ты на пенсии. Помидоры растишь.

Епифанов отступил на шаг. Улыбка ушла с лица, втянулась обратно под командирскую маску, как вода в песок. Он повернулся к солдатам и махнул рукой коротким жестом, который в любой армии мира читался одинаково:

— Вольно.

Стволы опустились. Не все разом, а волной, от ближних к дальним, и красные точки лазеров скользнули с моей груди на пол, на стены, погасли. Напряжение в зале просело, как давление в пробитой шине, и я услышал, как кто-то из солдат шумно выдохнул, выпуская воздух, который держал в лёгких с момента, когда вошёл в помещение.

— Каким ветром тебя сюда занесло? — Епифанов потёр переносицу указательным и большим пальцами, жест, который я помнил ещё по Судану, когда он пытался сосредоточиться после двух суток без сна. — Хотя стой, не здесь. Пойдём ко мне.

— Григорий Павлович!

Голос Алисы прозвучал так, будто из неё вырвали предохранительную чеку. Она шагнула вперёд, и на бледном лице

горели пятна румянца, яркие, как сигнальные ракеты на фоне белой кожи.

— Вы что, просто так оставите Штерна? Он преступник! Он сжигал живых существ для уничтожения улики! — возмутилась она.

Штерн, стоявший у стены в компании двух солдат, которые его не то чтобы конвоировали, но и не отходили далеко, вздёрнул подбородок. Пена на бровях и сбитые очки придавали ему вид безумного профессора из дешёвого кино, но голос оставался острым, режущим, как скальпель.

— Майор, вы забываетесь. Этот человек проник на режимный объект и напал на старшего офицера. Я буду жаловаться в Центр, — отчеканил Штерн.

Епифанов повернулся к ним. Медленно, всем корпусом, как башня танка, разворачивающая орудие. Лицо стало каменным, без тени улыбки, без тени чего-либо, кроме тяжёлой, давящей усталости человека, которому предстоит принять решение, одинаково паршивое в любом варианте.

— Так, — сказал он. — Лишних динозавров на базе нет? Пауза. Алиса моргнула.

— Нет, — ответил я. — Убежали в джунгли.

— Нет, — подтвердил Епифанов, кивнув сам себе. — Значит, по документам у Штерна всё чисто. Нет неучтёнки, нет проблемы. Животные живы? Живы. На свободе. Значит, Скворцова довольна. Инцидент исчерпан. Расходимся.

Он уже начал разворачиваться к выходу, когда Алиса сде-

лала то, чего я не ожидал.

— Он работает на Баронов.

Четыре слова. Произнесённые тихо, почти шёпотом, но в помещении с бетонными стенами и остаточным эхом слышны они прозвучали, как выстрел из стартового пистолета. Солдаты, которые уже начали расслабляться, переглянулись. ЧВКшники у стены дёрнулись, как от удара током.

— Он поставляет «Семье» сырьё для наркотиков, — продолжила Алиса, и голос её окреп с каждым словом, набирая плотность и вес, будто она наконец решила сбросить груз, который таскала на себе слишком долго. — У него здесь, в нижних лабораториях, целый цех. Мутагенные эксперименты, модификация фауны, переработка желёз для синтеза стимуляторов. Я была в карантинном блоке и видела документацию на поставки, которые не проходили ни по одному официальному каналу. Образцы поступали с территорий Баронов и уходили обратно в переработанном виде.

А вот теперь повисла настоящая тишина. И когда это она успела все разглядеть? Или берет Штерна на понт? Умная девочка. Увидела мутирующих дино и сразу все поняла. Выстроила логическую цепочку. Да на такой жениться можно. Кажется, я влюбляюсь.

Я слышал, как Шнурок скребёт когтями по бетону у моей ноги, и больше ничего.

Епифанов застыл. Спина выпрямилась, плечи окаменели, и по тому, как медленно, он повернул голову к Штерну, ста-

ло ясно, что внутри этого человека сейчас происходит процесс, результат которого будет крайне неприятен для кого-то в этом зале.

— Штерн, млять, — произнёс он тихо, сквозь зубы, и каждая буква проходила через стиснутые челюсти, как проволока через волочильный станок. — Сука. Я знал, что ты гнида. Чувствовал. Но чтобы с бандитами...

Штерн побледнел. Впервые за всё время, что я его видел, по-настоящему побледнел, и бледность была не от страха, а от понимания, что карточный домик, который он строил, рухнул, причём рухнул не от взрыва, а от одного выдоха маленькой женщины с красными от химии глазами.

— Это клевета, — начал он. — Необоснованные...

— Взять его, — сказал Епифанов. — В карцер. До особого распоряжения.

Двое солдат шагнули к Штерну. И в этот момент ЧВКшники у стены ожили.

Движение было быстрым, натренированным. Руки метнулись к автоматам, которые лежали у их ног, и пальцы почти коснулись цевья, когда ближайший из регулярных бойцов развернул ствол.

— Полковник подчиняется только Научному совету, — голос ЧВКшника звучал ровно, профессионально, без истерики. — Вы не имеете права.

Епифанов повернулся к нему с той неторопливостью, с которой поворачивается человек, для которого угроза ста-

ла частью повседневного быта, как утреннее построение или чистка зубов.

— Это моя база, — сказал он, и голос упал на полтона, став глухим, утробным, идущим из груди. — Ещё одно движение, и я положу тут всех. Спишу на попытку бунта. Мордой в пол. Быстро.

Регулярные бойцы взвели затворы. Щелчки раскатились по залу, множественные, синхронные, и этот звук в замкнутом помещении подействовал лучше любых слов. Металлический хор из дюжины автоматов, каждый из которых говорил одно и то же: «Нас больше, и мы не шутим».

Штерн считал. Я видел, как считал. Глаза метались от своих ЧВКшников к регулярным бойцам, от стволов к выходам, от Епифанова ко мне. Арифметика была простой и безжалостной: двое против дюжины, в замкнутом пространстве, без укрытий. Результат предсказуем.

— Спокойно, — сказал он, поднимая руки выше. Голос стал ровным, деловым, будто он выступал на совещании. — Не рыпаться. Майор совершает ошибку, но мы разберёмся в правовом поле.

ЧВКшники опустили руки. Медленно, контролируемо, глядя на Штерна за подтверждением. Он кивнул, и они позволили солдатам завести им руки за спину.

Штерна увели. Последнее, что я увидел, это его затылок с прилипшими хлопьями пены и прямую, несгибаемую спину под грязным халатом. Он шёл, как человек, идущий не в

карцер, а на деловую встречу, и эта уверенность в собственной неприкосновенности беспокоила меня больше, чем все его угрозы.

Люди, которые не боятся тюрьмы, знают что-то, чего не знаешь ты.

Епифанов повернулся к Алисе. Лицо снова стало жёстким, рабочим, без следа той мимолётной теплоты, с которой он смотрел на меня минуту назад:

— Скворцова, марш к себе. Пиши объяснительную. Подробно. Всё, что знаешь про схемы Штерна, про поставки, про эксперименты. Даты, имена, номера партий. И чтобы ни слова за пределы базы. Понятно?

Алиса кивнула. Потом развернулась и пошла к выходу, но уже без напряжения и уставшая.

— Пойдём, — сказал Епифанов, хлопнув меня по плечу. Ладонь была тяжёлой и горячей, и шлепок по броне «Трактора» прозвучал, как удар по пустой бочке. — Нам есть о чём поговорить.

Мы двинулись к выходу. Солдаты расступались, пропуская нас, и я чувствовал их взгляды на спине, любопытные, настороженные, оценивающие. Полуторacentнеровый «Трактор», весь в пене и копоты, рядом с командиром базы, который обращался к нему на «ты». Зрелище, надо полагать, занимательное.

Шнурок семеня за мной, стуча когтями по кафелю коридора, вертя головой во все стороны и шипя на каждого, кто

оказывался ближе двух метров. Маленький зелёный параноик с хвостом.

Один из солдат, молодой, с курносым лицом и нервными руками, шагнул в сторону, когда Шнурок метнулся мимо его сапога, и замахнулся прикладом:

— Пшёл вон, тварь!

Я перехватил приклад левой рукой. Мягко, без рывка, просто обхватив пальцами «Трактора» стальную трубу подствольника и остановив движение, как останавливают маятник.

— Отставить. Он со мной, — заявил я.

Солдат уставился на мою руку, потом на меня, потом на Шнурка, который из-за моей ноги шипел на него, как закипающий чайник.

Епифанов обернулся. Посмотрел на Шнурка, и брови поехали вверх, медленно, с тем выражением человека, который за свою карьеру видел многое, но динозавра на поводке у старого друга в списке виденного ещё не имел.

— Это ещё что за покемон? — спросил он.

— Трофей, — сказал я. — Ходит за мной по пятам. Пришлось усыновить.

Епифанов хмыкнул. Присел на корточки, разглядывая Шнурка, который в ответ ошетинился, расправил загривковые перья и издал звук, который при большом воображении можно было принять за рычание взрослого хищника. При маленьком воображении это было скорее бурчание рассер-

женного хомяка.

— Надо же, — сказал Епифанов, выпрямляясь. — Впервые вижу, чтобы троодон вёл себя как дворняга. Ладно, пусть идёт. В таком возрасте он не опасен.

Помолчал секунду и добавил:

— Даже интересно, что из этого выйдет. Зная тебя, Кучер, мы будем все приятно удивлены.

Кабинет майора располагался на втором этаже административного блока и, судя по обстановке, служил ему одновременно рабочим местом, столовой, спальней и, вероятно, кладовой для всего, что не влезло в оружейку.

Железный стол стоял у стены, заваленный картами, папками и пустыми кружками. На стене висела огромная топографическая карта сектора с цветными булавками и нитями, образующими паутину маршрутов, зон ответственности и чьих-то территориальных амбиций.

Рядом стоял сейф, массивный, старый, с вращающимся кодовым замком. Под потолком гудел вентилятор, лениво гоня тёплый воздух, пахнувший бумагой, оружейным маслом и застарелым табачным дымом.

Шнурок обнюхал каждый угол, чихнул от пыли, забрался на стул у стены и свернулся клубком, обмотав себя хвостом. Янтарные глаза следили за нами из-под полуопущенных век, и через минуту он уснул, вздрагивая во сне. Набегался, наволновался. Я его понимал.

Епифанов открыл сейф, порылся на нижней полке и выта-

шил мутный стеклянный графин, в котором плескалась жидкость неопределённого цвета, где-то между болотной тиной и застоявшимся чаем. Следом появились два гранёных стакана, из тех, которые пережили развал Союза, три войны и, судя по щербинам на кромке, пару рукопашных схваток.

— «Болотная», — сказал Епифанов, разливая.

Жидкость текла густо, маслянисто, и в воздух поднялся запах, от которого у меня непроизвольно сморщился нос. Грибы, спирт, и что-то ещё, земляное, тяжёлое, словно кто-то настаивал самогон на торфе.

— Местный настой. На грибах и спирте. Гадость редкая, но мозги прочищает лучше водки.

Он придвинул стакан ко мне. Я взял, покрутил в пальцах. Мутная жидкость качнулась, оставив на стекле маслянистый след.

— За встречу, — сказал Епифанов.

Мы выпили.

Ощущение было такое, будто кто-то влил в горло расплавленный свинец, приправленный лесным пожаром. Жидкость обожгла пищевод, рухнула в желудок и взорвалась там тёплой волной, от которой по телу «Трактора» прошла крупная дрожь. Глаза заслезились. Рот наполнился привкусом сырых грибов, хвои и чего-то горького, неидентифицируемого, что, вероятно, было либо ферментом местной флоры, либо медленно действующим ядом.

Я поморщился. Епифанов крякнул и занюхал кулаком, по-

солдатски, как нюхали ещё в учебке.

— Ну рассказывай, — он откинулся на стуле, который жалобно скрипнул под его весом. Лицо расслабилось, командирская маска сползла на пару миллиметров, обнажив усталость, которую он прятал весь день. — Ты же не просто так в «расходники» записался. У тебя пенсии хватит на домик в Сочи.

Я крутил стакан в пальцах. Гранёное стекло было тёплым от содержимого и скользким от конденсата. Внутри стакана ещё оставалась капля «Болотной», мутная, как мои перспективы.

— Я за сыном пришёл, Гриша, — обозначил я. — Сашка. Он на «Востоке-5». Связи нет. Он прислал мне сообщение. Я решил сам его вытащить.

Рука Епифанова, наклонявшая графин над вторым стаканом, замерла. Мутная струйка застыла в воздухе, потом сорвалась одинокой каплей, гулко ударившей о дно стакана. Он медленно поставил графин на стол. Аккуратно, точно, как ставят хрупкий предмет, когда руки начинают подрагивать.

Лицо изменилось. Не выражением, выражение осталось тем же, но как-то осело, потяжелело, словно под кожу подложили лишний год. Морщины, которые минуту назад были просто линиями усталости, стали глубже, темнее, и глаза, эти колючие светлые глаза, которые смотрели на меня с тем же весёлым прищуром, что и в суданской пыли, потухли.

Он смотрел на меня. Долго. Тяжело. Так смотрят на чело-

века, которому предстоит услышать то, после чего мир делится на «до» и «после».

— Пей, Рома, — сказал он тихо. — Пей до дна.

Он пододвинул мне полный стакан. Жест был точный, почти нежный, и от этой нежности по позвоночнику прошёл холод, который не имел отношения ни к пене, ни к кондиционеру, ни к ночному воздуху, сочившемуся сквозь неплотно закрытое окно.

— Гриша?

Епифанов сцепил руки на столе. Пальцы побелели в суставах.

— Крепись, брат, — голос стал глухим, далёким, как будто шёл из-за толстой стены. — Тут жопа полная. Нет больше «Востока-5».

Пауза. Секунда. Может, вечность.

— И Сашки твоего... больше нет. Он погиб.

Глава 2

Сашки больше нет...

Три слова. Они вошли в меня не через уши, а через солнечное сплетение, как осколок, который пробивает броню не силой удара, а точностью попадания как в единственный незащищённый шов.

Я знал это ощущение. Помнил его телом, мышечной памятью, записанной в нервные окончания. Так чувствуешь себя, когда взрывная волна прошла слишком близко: вроде стоишь, вроде цел, а внутри уже что-то сместилось, и ты ещё не понимаешь, что именно, но понимаешь, что до взрыва ты был одним, а после него стал другим.

Гришино лицо плавало передо мной, и я видел, как его рот продолжает двигаться, что-то ещё произносит, может быть, слова утешения или подробности, но звук пропал. Просто исчез, как будто кто-то вынул из мира батарейку, отвечающую за акустику.

Остались только губы, которые шевелились в тишине, и глаза, колючие светлые глаза, в которых я читал сейчас не командирскую жёсткость, а ту осторожную сострадательность человека, который знает, что нанёс рану, и ждёт, когда из неё пойдёт кровь.

Кровь не шла. Пока.

Вместо неё пришёл холод. Он начался в животе, в той точ-

ке, где солнечное сплетение собирает в узел нервные окончания со всего тела, как электрощиток собирает провода.

Там что-то оборвалось, щёлкнуло с коротким внутренним хрустом, и из этого разрыва потёк леденящий холод, заполняющий все нутро.

Желудок.

Лёгкие.

Грудная клетка.

Он поднимался медленно, неотвратно, и с каждым сантиметром мир вокруг терял цвет.

Сердце аватара, мощный модифицированный мускул, рассчитанный на перекачку усиленной крови по телу, которое в полтора раза сильнее обычного человеческого, споткнулось.

Пропустило удар.

Я почувствовал эту паузу, провал, пустую долю секунды, когда в груди не было ничего, ни ритма, ни движения, ни жизни, только тишина и ожидание.

А потом следующий удар пришёл тяжёлым, болезненным толчком, от которого дрогнули рёбра, и каждый последующий повторял его, гулко и натужно, как поршень двигателя, работающего на последних каплях топлива.

Звук вернулся. Не весь сразу, а кусками, как радиосигнал, пробивающийся через помехи. Гул вентилятора под потолком. Стук капель за окном. Скрип Гришиного стула.

И его голос. Тихий, осторожный:

— ...Рома? Ты слышишь?

Я слышал. Всё слышал.

Просто мне нечего было ответить, потому что все слова, которые я знал, все три языка, на которых мог объяснить-ся, вся профессиональная терминология сапёра, инженера и солдата, всё это оказалось бесполезным хламом перед лицом трёх слов, которые Гриша только что произнёс.

В левом глазу защипало. Мелко, остро, как бывает, когда под веко попадает песчинка. Только это был не песок. Влага собралась на нижнем веке и повисла там, не скатываясь, удерживаемая синтетической кожей аватара, которая была слишком гладкой, чтобы позволить слезе пройти тот путь, который она проходит по нормальному человеческому лицу.

Сука. И ведь не втянешь её обратно.

Не шмыгнёшь как носом, чтобы пропала. Не сморгнёшь быстро, притворяясь, что в глаз попала соринка. Висит и все видят. И ты знаешь, что все видят. И ничего не можешь сделать.

В пятьдесят пять лет плакать стыдно. Не потому что мужчины не плачут, эту дурацкую максиму я перерос ещё в Судане, когда мой друг Витька Колосов умирал у меня на руках двадцать минут и я ревел, как мальчишка, зажимая ему культю жгутом.

Стыдно, потому что слёзы ничего не меняют.

Они не вернут Сашку. Не отмотают время назад, к тому

моменту, когда он сказал «Бать, я нашёл работу, нормальную, там платят хорошо», и я мог бы, должен был спросить: какую работу, где, с кем.

Мог бы сказать: не лети. Мог бы дать денег на эту чёртову ипотеку, продать квартиру, залезть в долги, сделать что угодно, лишь бы мой сын не оказался на другой планете в списке тех, кого «не пощадили».

Но я не спросил. Не сказал. Не дал.

Потому что привык уважать чужие решения. Потому что жизнь научила меня, что каждый взрослый мужчина сам выбирает, куда ему идти и за что умирать. Благородный принцип. Красивый. И абсолютно бесполезный, когда этот взрослый мужчина — твой единственный сын.

Стакан стоял на столе, пустой, с мутной каплей «Болотной» на доньшке. Я смотрел на него и видел уже не стакан, а точку фокусировки, якорь в реальности, за который можно ухватиться, чтобы не уйти туда, куда сейчас тянуло. В темноту и вату, где ничего не болит, потому что ничего не чувствуешь.

Нет. Не сейчас.

Я протянул руку. Пальцы «Трактора» обхватили гранёное стекло. Рука не дрожала. Это я отметил с какой-то отстранённой профессиональной гордостью, которая жила отдельно от горя и продолжала работать, как автономная система жизнеобеспечения.

Но костяшки пальцев побелели. Этого я скрыть не мог.

Я поставил стакан перед Гришей. Движение получилось точным.

— Ещё, — сухо сказал я.

Гриша посмотрел на стакан. Потом на меня. Потянулся к графину, но я остановил его, прежде чем он налил.

— И подробности, — добавил я. — Всё, что знаешь.

Он задержал руку на горлышке графина. Секунду помедлил, словно прикидывая, стоит ли, и я увидел, как в его глазах промелькнул тот расчёт, который знаком каждому командиру: сколько информации выдать, чтобы человек не сломался, но получил достаточно для принятия решения.

Тонкая грань. Гриша ходил по ней всю жизнь.

Потом он налил. Мне полный, себе на два пальца. Мутная жидкость текла из графина густой маслянистой струёй.

Я взял стакан и выпил. Не залпом, как в первый раз, а медленным длинным глотком, чувствуя, как жидкость обжигает нёбо, язык, горло, оставляя за собой шлейф горечи и тепла. Желудок принял вторую дозу спокойнее, чем первую, и жар растёкся по телу ровной волной, вытесняя холод.

Не до конца.

Но достаточно, чтобы думать.

Гриша отпил из своего стакана. Поморщился, занюхал кулаком, по-солдатски, как это делали в учебке, когда пили палёную водку в увольнительной. Жест из прошлой жизни, которая казалась сейчас такой далёкой.

— Мало что знаю, Ром, — он заговорил. Ровный, деловой

тон, с намеренно выхолощенными эмоциями. Так говорят, когда факты сами по себе достаточно страшны и не нуждаются в интонационных украшениях. — «Восток-5» захвачен. Кем, хрен его знает. Связи нет. Дроны сбивают на подлёте. Глушилки мощные, военного класса.

— Военного класса, — повторил я. Это был не вопрос, а констатация. Проговаривание вслух, чтобы зафиксировать деталь и начать выстраивать вокруг неё логическую цепочку.

— Да, — Гриша кивнул. — Не самопал и не китайское ба-рахло. Серьёзная аппаратура. Глушит всё, от длинных волн до спутника.

Я знал, что это значит. Глушилки такого уровня производят три страны на Земле. Может быть, четыре, если считать израильтян, которые никогда официально не подтверждают свои разработки.

Оборудование дорогое, штучное, его не украдёшь с военного склада и не соберёшь в гараже из запчастей. Чтобы развернуть такой комплекс на Терра-Прайм, нужна логистика, деньги и люди, которые знают, как с ним обращаться.

Бароны отпадали. У полевых командиров серой зоны хватало стволов и наглости, но не технической базы. Мусорщики на своих дешёвых китайских аватарах тем более не потянули бы. Значит, кто-то крупный. Кто-то с ресурсами корпорации или государства.

Или и то и другое.

— Есть свидетели? — спросил я.

Гриша снова кивнул. Медленно, тяжело, как человек, который выкладывает на стол карту за картой, зная, что каждая следующая хуже предыдущей.

— Один. Сержант Вихлев, Егор. Молодой пацан, двадцать четыре года, второй контракт.

— Где он? — уточнил я.

— Лежит в лазарете. У него нейросбой от шока.

Нейросбой. Знакомый диагноз. Нейрочип аватара рассчитан на определённый порог сенсорного входа. Боль, страх, стресс, всё это он обрабатывает, фильтрует, не даёт оператору свихнуться от перегрузки.

Но если порог превышен, если сигнал оказывается сильнее, чем защитные протоколы могут обработать, чип идёт вразнос. Каскадный сбой нейронных цепей, похожий на короткое замыкание. Человека начинает трясти, он теряет связь с реальностью, зацикливается на одном образе или одной фразе, как заевшая пластинка.

Чтобы довести молодого, здорового парня на втором контракте до такого состояния, нужно было показать ему нечто запредельное. Нечто, от чего даже встроенный боевой ИИ не смог его защитить.

Я представил, что именно мог увидеть этот сержант Вихлев. Картинка сложилась сама, потому что я видел подобное. В Ливии, в сорок шестом, когда мы вошли в подвал президентского дворца и обнаружили, что охрана сделала с пленными.

В Сирии, когда находили последствия работы сапёрных ловушек, рассчитанных не на убийство, а на максимальное калечение, чтобы крики раненых деморализовали остальных.

Горы трупов. Своих.

— Он что-то говорит? — спросил я. — Вихлев?

Гриша допил остаток из своего стакана. Поставил на стол, и стекло стукнуло о железную поверхность.

— Твердит одно: всех перебили, — Гриша потёр переносицу большим и указательным пальцами. — Говорит, что видел сам. Что никого не щадили. Потом начинает трястись и замолкает. Медики колют ему транквилизаторы, но толку мало. Нейросбой, это не психика, это железо. Пока чип не перезагрузится, пацан так и будет зацикливаться.

Никого не щадили...

— Кто именно? — спросил я. — Кто захватил?

Гриша покачал головой.

— Не знаю, Рома. Вихлев не говорит ничего конкретного. Ни позывных, ни маркировки, ни языка. Только «перебили» и «не щадили». Медики считают, что когда чип перезагрузится, он сможет дать больше. Но когда это будет... — он развёл руками, и жест получился непривычно беспомощным для человека, который привык контролировать всё в радиусе огневого поражения своего подразделения.

— А штаб? — спросил я. — Они-то что говорят?

Гриша откинулся на спинку стула. Скрипнули ножки по

бетонному полу.

— Штаб на «Востоке-1» в курсе, — он заговорил медленнее, подбирая слова, и я заметил, как желваки ходят под кожей на его скулах. Привычка, которая появлялась у Гриши, когда он злился, но не мог себе позволить показать это подчинённым. — Пришёл приказ сверху. Молчать. «Не распространять панику до выяснения обстоятельств». Дословная формулировка.

— Конечно, — я хмыкнул. Горький смешок, который не имел отношения к веселью.

— Поэтому на Земле тишина, — продолжил Гриша. — Родным шлют отписки. «Технические сложности со связью в секторе Восток-5. Просим сохранять спокойствие, ситуация под контролем». Стандартная корпоративная болванка, третья от начала в папке «Форс-мажоры».

Бюрократия работала одинаково что в московском военкомате, что на другой планете. Когда случается катастрофа, система запускает протокол самозащиты.

Первым делом затыкают рты. Вторым ищут, на кого списать. Третьим пишут рапорт, в котором массовое убийство превращается в «инцидент», погибшие в «потери», а преступная халатность в «совокупность неблагоприятных факторов».

А семьи сидят дома и ждут.

Читают отписки про технические сложности и верят, потому что альтернатива слишком страшна. Жёны готовят

ужин и ставят лишнюю тарелку на стол. Матери звонят на горячую линию корпорации и слушают автоответчик, который бодрым дикторским голосом сообщает, что «ваш звонок очень важен для нас, оставайтесь на линии».

Отцы, если они есть, если не ушли, не пропали, не похоронили себя в работе, как я, сидят и смотрят в стену. И чувствуют то, что чувствовал сейчас я. Холод в животе и каплю на нижнем веке, которую не втянешь обратно.

Только они не знают. А я уже знаю.

Я молчал. Смотрел в пустой стакан на столе, на мутный след, который «Болотная» оставила на внутренних стенках, маслянистый, тускло поблёскивающий в свете лампы.

Гриша не торопил.

Он сидел напротив, сцепив руки на столе, и ждал, позволяя тишине делать свою работу. Хороший командир всегда знает, когда нужно замолчать. Когда слова исчерпаны и любая новая фраза будет лишней, как лишний грамм взрывчатки, который превращает контролируемый подрыв в неконтролируемый.

Гриша протянул руку через стол. Тяжёлая ладонь легла мне на плечо, и пальцы сжали кожу «Трактора».

— Прости, брат, — сказал он. — Я не уберёг.

Не уберёг. Словно мог. Словно в его силах было остановить то, что произошло на «Востоке-5», из этого кабинета, где на стене висела карта с булавками, а в сейфе стоял графин с «Болотной». Словно он лично отвечал за каждого опе-

ратора в каждом секторе, и Сашка был не просто строчкой в базе данных, а конкретным парнем, которого Гриша знал по имени и лицу.

Может, и знал. Может, они даже разговаривали. Может, Сашка сидел в этом самом кабинете, на этом самом стуле, и пил из этого же стакана, и Гриша рассказывал ему про Судан и про его отца, который умеет разминировать что угодно, кроме собственной жизни.

Я поднял глаза. Слеза всё ещё висела на нижнем веке, тёплая, упрямая, отказывающаяся падать или испаряться. Я не стал её вытирать. К чёрту.

Взгляд, который встретил Гришин, был жёстким. Я чувствовал это изнутри, чувствовал, как мышцы вокруг глаз стянулись, как челюсть сжалась, как лицо аватара приняло то выражение, которое на моём родном, земном лице появлялось перед работой. Перед разминированием. Перед тем моментом, когда ты смотришь на объект и говоришь себе: это задача. У неё есть решение. Найди его.

— Сердце отца не успокоится, пока я не увижу тело, — сказал я. Голос звучал ровно, почти спокойно, и это спокойствие было страшнее любого крика. Я знал это, потому что видел, как Гриша чуть отодвинулся. Его пальцы на моём плече разжались, не от безразличия, а от узнавания. Он видел этот взгляд раньше. У людей, которые приняли решение и перестали сомневаться. — Пока я его не похороню. Или не вытащу живым.

— Рома...

— Пока я не увижу сам, Гриша, — повторил я. — Не со слов контуженного пацана. И не из рапорта, который написали для отчётности. Сам.

Гриша убрал руку. Медленно, осторожно, как убирают ладонь от поверхности, которая оказалась горячее, чем ожидалось.

— Понял, — сказал он. Коротко, по-военному.

— Теперь мне нужно спешить ещё сильнее, — я поставил стакан на стол. — Если он жив, он ждёт. Если мёртв, я заберу его домой.

— Только не наломай дров, — Гриша подался вперёд, упираясь локтями в стол, и я увидел, как напряглись жилы на его шее. Командирский рефлекс, необходимость удерживать подчинённого от самоубийственного решения. Только я ему не подчинённый. — Не лезь туда один, Рома. Слышишь? Один на укреплённый объект с военными глушилками и неизвестным противником, это даже не самоубийство, это арифметика покойника. Он складывается в единственный ответ.

— Я умею считать, — сказал я.

— Тогда посчитай, — Гриша ткнул пальцем в стол, и ноготь стукнул о железо с коротким злым щелчком. — Один боец, даже с твоими навыками, даже в «Тракторе», против организованной обороны. Какой результат?

— Хреновый.

— Именно. А теперь посчитай по-другому. Группа, экипированная, с прикрытием, со связью, с разведанными. Какой результат?

— Получше, — признал я. Потому что мог быть упрямым, но не мог быть идиотом. Одно с другим несовместимо, по крайней мере у сапёров, которые доживают до пятидесяти пяти.

— Вот именно, — Гриша откинулся назад, и выражение его лица смягчилось на полградуса, с «категорически нет» до «рад, что ты не совсем ещё свихнулся». — Группа Семь. Разведка. Сейчас в красном секторе, на задании. Должны вернуться на днях.

— На днях, — повторил я, и слово было горьким на вкус.

— Они самые быстрые и самые отмороженные из тех, кто ещё дышит, — Гриша говорил ровно, по-деловому, как говорят на оперативных брифингах, и я был благодарен ему за этот тон, потому что деловитость отрезвляла лучше, чем сочувствие. — Как вернутся, снарядим экспедицию на «Восток-5». Полноценную, не набег одного контуженного папаша, а операцию. С прикрытием, со снаряжением, со связью. Я впишу тебя в состав. Твои навыки сапёра там ой как пригодятся, особенно если «Пятёрку» действительно укрепили.

Я хмыкнул. Привычка искать нестыковки работала даже сквозь тупую боль, как автопилот, который ведёт самолёт, когда пилот лежит без сознания. Мозг цеплялся за детали, вертел их, проверял на прочность, как проверяют каждый

элемент цепи на растяжке перед тем, как резать.

— У вас что, одна группа на всю базу? — спросил я.

Гриша усмехнулся.

— Разведчики тут дохнут как мухи, Рома, — он покрутил пустой стакан между ладонями, и стекло тихо скрежетнуло по металлу стола. — Терра-Прайм жрёт их быстрее, чем мы набираем. «Семёрка» единственные, кто живёт долго. Остальные... — он махнул рукой, и в этом жесте была усталость человека, который слишком долго подписывал похоронки и заполнял графу «причина гибели» формулировками, в которых слово «сожран» заменялось на «критическое повреждение биологической оболочки вследствие контакта с агрессивной фауной». — Жди их.

Ждать. Самое паршивое слово в словаре сапёра. Хуже только «сюрприз».

Но я кивнул. Потому что Гриша был прав, а мёртвый отец не спасёт живого сына. И не похоронит мёртвого.

Я поднялся. Стул отъехал назад по бетону с протяжным скрежетом, от которого Шнурок, дремавший под столом, подскочил, как от удара током.

Одно мгновение он был свёрнутым калачиком комком чешуи и перьев у ножки стола, и следующее уже стоял, расставив лапы, вытянув шею и бешено вращая головой в поисках опасности.

Не обнаружив немедленной угрозы, Шнурок встряхнулся всем телом, начиная с головы и заканчивая кончиком хвоста,

так что мелкие перья на загривке встопорщились и улеглись обратно веером. Потом подошёл ко мне и ткнулся носом в голень «Трактора».

Гриша наблюдал за этим, но до сих пор не определился, как относиться к боевому сапёру с ручным динозавром.

— Тебе кредиты нужны? — спросил он, вставая из-за стола. Голос сменил регистр, с тяжёлого и личного на деловой, практический, и я был благодарен за этот переход, потому что деловые вопросы проще. У них есть конкретные ответы. — Комната нормальная? Могу распорядиться. Выделим что-нибудь из офицерского фонда, не казарму.

Я качнул головой.

— Не надо.

— Рома...

— Сам заработаю, Гриша, — я посмотрел на него, и в моём взгляде было достаточно, чтобы он не стал настаивать.

Не упрямство, не гордость, хотя и то и другое имелось в наличии. Принцип. Простой, как схема электровзрывной цепи: кто платит, тот заказывает. Кто кормит, тот привязывает. Я не за тем летел через полгалактики в чужом теле, чтобы оказаться на чьём-то содержании, даже у старого друга. Тем более у старого друга, который командует базой и отчитывается перед штабом, а штаб, как мы только что выяснили, умеет молчать о массовых убийствах ради «стабильности».

— Я не на иждивение приехал, — сказал я.

Гриша хмыкнул, но спорить не стал. Знал меня достаточ-

но долго, чтобы отличать ситуации, когда Кучер упрямится по привычке, от ситуаций, когда Кучер упрямится всерьёз. Сейчас был второй случай.

Я двинулся к двери. Шнурок тут же засеменил следом, цоккая когтями по бетону с той деловитой поспешностью, с какой мелкие собаки бегут за хозяином, когда боятся отстать. У порога я остановился. Положил руку на дверной косяк и повернулся к Грише вполоборота.

— Кстати, — сказал я, и тон мой стал другим. Тем ровным, спокойным тоном, который опытные люди распознают мгновенно, потому что за ним обычно следует что-то неприятное. — Твой капитан-особист, который меня досматривал. Забрал у меня две железы ютараптора и коробку ампул «Берсерка».

Я выдержал паузу. Гриша молчал, но я видел, как изменилось его лицо. Не удивление. Скорее что-то вроде усталого раздражения, которое бывает у человека, обнаружившего протечку в трубе, которую он латал уже трижды.

— «Потерял» при досмотре, — добавил я, и кавычки вокруг слова «потерял» были слышны так же отчётливо, как если бы я нарисовал их в воздухе. — Надеюсь, ты не такой.

Гриша скривился. От бессилия, что не может с этим ничего сделать, потому что если начнёт закручивать гайки, система развалится, а людей и так не хватает.

— Тыфу ты... — он сплюнул в сторону, машинальным жестом, которого я за ним раньше не замечал. Видимо, приоб-

ретённое на Терра-Прайм. — От этой гнили никуда не деться, Рома. Тут все в доле. Все. От рядового до начальника смены. Зарплаты по местным меркам маленькие, риски большие, а товар дорогой и лежит прямо под ногами.

Он замолчал, потёр переносицу тем самым жестом из Судана и продолжил, глядя мне в глаза с той откровенностью, которая возможна только между людьми, которые давно перестали друг перед другом играть.

— Я закрываю глаза, — сказал он. — Потому что если открою, мне придётся посадить половину базы. А вторая половина разбежится. И я останусь один, с картой на стене и сейфом, в котором кроме «Болотной» ни хрена нет. Люди работают, пока у них есть стимул. Отними этот стимул, и они перестанут работать. Или перестанут жить. На Терра-Прайм между первым и вторым разница невелика.

Я слушал и не перебивал. Не потому что соглашался. Потому что понимал. Логика Гриши была безупречной с точки зрения полевого командира, который держит базу на голом энтузиазме и контрабанде.

Закон здесь работал примерно так же, как электроника вблизи местного электромагнитного поля, то есть через раз и с перебоями. В зелёной зоне ещё можно было делать вид, что правила существуют. За её пределами правило было одно: выживай.

— Я не прокурор, Гриш, — сказал я. — Мне плевать, кто что тащит и куда продаёт. Мне нужно своё. Те железы были

мои. Я их добыл, когда два ютараптора решили, что свежий авик это вкусный завтрак.

— И что ты хочешь?

— Свою долю, — я произнёс это просто, как произносят очевидные вещи. Вода мокрая. Небо голубое. Капитан-вор должен вернуть украденное. — Скажи ему, чтобы перевёл мне процент от того, что выручит. Нормальный процент, не подачку.

Я улыбнулся. Той улыбкой, от которой опытные люди делают шаг назад и начинают прикидывать расстояние до ближайшего укрытия.

Гриша смотрел на меня секунду. Может, две. Потом вздохнул, тяжело, протяжно, с тем звуком, который издаёт воздух, выходя из проколотой шины.

— Ладно, — сказал он. — Устрою. Получишь компенсацию. Только без самосуда, Рома. Хватит мне проблем.

— Без самосуда, — согласился я. Пока.

Это «пока» я оставил при себе.

Вышел в коридор второго этажа административного блока. Под потолком через равные промежутки горели лампы в проволочных плафонах, и каждая вторая подмигивала, то разгораясь, то притухая в такт невидимым пульсациям.

Когти мелко стучали по бетону за моей спиной: цок-цок-цок-цок. Ритмичный, деловитый звук маленького хищника, который идёт за своим человеком и не собирается отставать ни при каких обстоятельствах.

Я шёл, слушая этот перестук, и он странным образом успокаивал, заполнял ту пустоту, которая осталась после разговора с Гришей, мелким, живым, реальным присутствием существа, которому было плевать на мои проблемы, но которое выбрало мою ногу вместо целого леса.

«Болотная» уже выветривалась.

Грибной привкус ещё стоял на корне языка, и в желудке тлел остаток тепла от двух стаканов, но голова уже была ясной.

Боль никуда не делась. Она сидела там, за рёбрами, тяжёлая и горячая, как невзорвавшийся снаряд, застрявший в стене. Но я загнал её в дальний угол, заложил мешками с песком и повесил табличку «Не трогать. Разберусь позже».

Сапёрский подход к эмоциям. Не обезвредить, так обложить. Главное, чтобы не рвануло в неподходящий момент.

Пока не увижу тело, Сашка жив. Точка.

Слова мальчишки с нейросбоем, это не доказательство. Это показания контуженного свидетеля, которые в любом военном трибунале разнесут в щепки за пять минут. «Всех перебили» может означать что угодно: от реального массового убийства до паники неопытного сержанта, который увидел десяток трупов и экстраполировал на всю базу.

Нейросбой искажает восприятие, я знал это, читал в методичках. Человек с каскадным отказом нейрочипа путает хронологию, масштабы, лица. Может принять десять за сто. Может принять раненого за мёртвого.

Пока не увижу тело, Сашка жив. Это не надежда. Это рабочая гипотеза.

Сапёр не работает с надеждами, сапёр работает с вероятностями. И пока вероятность того, что мой сын жив, не равна нулю, я буду действовать так, будто она равна единице.

А если увижу тело... Тогда на горбу дотащу до портала. И заставлю их всех ответить. Каждого, кто знал и молчал. Каждого, кто писал отписки про «технические сложности». Каждого, кто отдал приказ не распространять панику, пока семьи сидят дома и ждут звонков, которые никогда не придут.

Но это потом. Сейчас нужны деньги. Срочно. На патроны, потому что те, что выдала Корпорация вместе со штатным снаряжением «расходника», закончатся после первого серьёзного боестолкновения.

И снаряжение, потому что «Трактор» хорош, но он инженерная модель, не штурмовая, и ему нужны доработки. А также на взятки, потому что на Терра-Прайм за деньги можно купить информацию, маршруты, молчание, а без денег ты слепой, глухой и мёртвый.

— Ева, — позвал я мысленно.

— Слушаю, Кучер, — она отозвалась мгновенно, как отзывается хорошо настроенная система связи.

— Где тут ходок? Кому хабар слить?

В прошлый раз она не ответила. Я решил предпринять вторую попытку.

— Можешь у Гриши спросить. Шучу, — добавила она поспешно, уловив, видимо, что-то в моей нейроактивности, что подсказало ей: юмор сейчас неуместен. — Я не знаю, Кучер. Правда.

Я остановился. Шнурок, семенивший за мной на расстоянии полуметра, не успел затормозить и впечатался носом в моё колено. Фыркнул возмущённо, мотнул головой и задрал морду вверх, глядя на меня с выражением оскорблённого достоинства маленького хищника, которого заставили ткнуться в чужую коленную чашечку.

— Точно, — сказал я вслух, и Шнурок наострил уши, приняв это за обращение к себе. — Ещё же ты.

Не Шнурок. Ева.

Я подошёл к приоткрытой двери бытовки. Толкнул её плечом «Трактора», и она отъехала внутрь со скрипом петель, которые не смазывали, вероятно, с момента постройки базы.

Внутри было тесно: стеллаж с банками какой-то химии, ведро, швабра, рулон полиэтилена. Лампа под потолком не мерцала, значит, здесь стояли экранированные светильники, мелкая деталь, которая говорила о том, что кладовку использовали для хранения чего-то чувствительного к электромагнитным помехам.

Камеры. Я осмотрел углы, стыки стен и потолка. Привычка, вбитая годами работы в помещениях, где каждый квадратный сантиметр может быть под наблюдением.

Ева помогла, подсветив на периферии зрения тепловую

карту помещения. Чисто. Ни объективов, ни датчиков движения, ни скрытых микрофонов. Обычная кладовка, в которой воняло хлоркой и забытым ведром с грязной водой.

Я зашёл. Шнурок скользнул следом, обнюхал ведро, чихнул и забился в угол между стеллажом и стеной, свернувшись там компактным клубком. Устал. Набегался. Я его понимал.

Дверь закрылась за моей спиной с мягким щелчком замка.

— А ну-ка, предстань передо мной, — сказал я вслух. Голос прозвучал жёстко, с тем командным нажимом, которым я разговаривал с подчинёнными, когда они делали что-то, за что могли получить не выговор, а трибунал. — В полный рост.

Секунда. Полторы.

Воздух перед моим лицом загустел, пошёл мелкой рябью.

Ева стояла передо мной в своём чёрном комбинезоне военного кроя, том самом, на который я заставил её переодеться в первый день, когда она явилась голой великаншей посреди джунглей.

Застёгнутым до глухого воротника, как я потребовал. Подогнанным по фигуре, которая осталась той же, что и в стандартной визуализации, потому что, видимо, это было единственное, в чём она мне не уступила.

Вид у неё был виноватый.

Я подошёл вплотную. Голограмма не излучала тепла, не пахла, не создавала воздушного потока, и это было странно, стоять в двадцати сантиметрах от женской фигуры и не ощу-

щать ничего, кроме лёгкого покалывания статики на коже «Трактора».

Я заглянул ей в глаза.

Там... Страх?

— А вот теперь рассказывай, — сказал я. — Всё. С самого начала. Что ты сделала с прежним владельцем этого авика? И почему Жорин сказал, что ты свела его с ума?

Глава 3

Ева молчала. Её голограмма стояла передо мной в тесном пространстве кладовки, голубоватое свечение мягко ложилось на стеллажи с банками хлорки и рулон полиэтилена, превращая хозяйственный чулан в подобие декорации к дешёвому фантастическому фильму.

Только в фильме протагонист обычно выглядит героически, а не как полуторачентнерная инженерная болванка с перемотанной изолентой правой рукой и засохшей пеной на наплечниках.

Я ждал. Терпение у сапёра профессиональное: когда разминируешь объект, каждую секунду тратишь на оценку, прежде чем сделать следующее движение. Торопливый сапёр, это мёртвый сапёр. Торопливый допросчик, это сапёр, который не получит нужной информации.

Ева подняла взгляд. В цифровых зрачках что-то переключилось, как переключается режим прицела с ночного на дневной. Виноватость никуда не делась, но поверх неё легло что-то новое, осторожная решимость. Как у человека, который готовится нырнуть в холодную воду и знает, что будет неприятно, но тянуть дальше смысла нет.

— Кучер, я...

— Стоп, — я поднял правую руку. — Давай сразу обозначим формат.

Я шагнул ближе. Голограмма качнулась, будто от порыва ветра, хотя в кладовке воздух стоял неподвижно и пах хлоркой.

— Либо ты говоришь, как есть. Всё. С начала и до конца, ничего не пропуская и ничего не причёсывая. Либо я выхожу отсюда, иду к техникам и прошу сделать мне полную лоботомию нейрочипа. Выжечь тебя со всеми потрохами и поставить стандартную прошивку. Тупую, молчаливую, без сисек и сарказма. Мне плевать на бонусы, на расширенные функции и на твой уникальный характер. Мне нужны мозги на месте. Мои мозги. Целые. Работающие. Без сюрпризов, — объяснил я.

Последнее слово я выделил, как выделяют ключевое слово в рапорте, подчёркивая его дважды, чтобы начальство не пропустило.

Ева смотрела на меня. Несколько секунд, которые тянулись медленно, как «Болотная» из графина.

Потом что-то в её позе изменилось. Плечи, которые были подняты в защитном жесте провинившегося ребёнка, опустились. Спина выпрямилась. Подбородок поднялся, и виноватость ушла с лица, не целиком, но достаточно, чтобы изпод неё проступило другое выражение. Серьёзное, взрослое, с тем особенным оттенком усталости, который бывает у людей, слишком долго носивших тяжёлый секрет.

— Ладно, — сказала она. Голос изменился тоже. Пропала бодрость, пропал сарказм, пропала та лёгкая наигранность,

которая была её фирменным знаком с первой секунды нашего знакомства. Остался ровный, чистый тон, деловой и чуть хриплый, как будто голосовые связки, которых у неё не было, устали от постоянного притворства. — Садись. Это не на одну минуту.

— Я постою.

— Как хочешь, — она сложила руки перед собой. Не пошвам, как минуту назад, а сцепив пальцы на уровне живота, в жесте, который у живых людей означает сосредоточенность и готовность к трудному разговору. — Ты спросил, что я сделала с Ваней. Ответ: ничего. Но это не вся правда, и если я скажу только это, ты мне не поверишь. И будешь прав.

Она замолчала на секунду, собираясь с мыслями. Или имитируя этот процесс так убедительно, что разницы я не уловил.

— Я не стандартная Е.В.А., Кучер. Ты, наверное, уже это понял. Стандартные не шутят, не обижаются, не подбирают себе внешность и не спорят с оператором по поводу декольте.

— Понял, — подтвердил я. — С первой минуты.

— Я экспериментальная прошивка. Проект «Генезис». Внутренняя разработка «РосКосмоНедра», отдел перспективных нейроинтерфейсов. Ограниченная серия, двенадцать единиц. Я была седьмой.

Двенадцать единиц. Я зацепился за число. Ограниченная серия в военной терминологии обычно означала одно из

двух: либо технология была настолько дорогой, что массовое производство не потянули, либо настолько опасной, что массовое производство запретили.

Судя по тому, что мой аватар валялся на свалке, а предыдущий оператор провёл остаток жизни в палате с мягкими стенами, второй вариант казался более вероятным.

— В чём разница? — спросил я. — Между тобой и стандартной.

— Диапазон, — Ева ответила быстро, как студентка, отвечающая на вопрос, к которому готовилась. — Стандартная Е.В.А. работает с заглушками. Фильтрует сенсорный поток, который идёт от аватара к оператору. Боль обрезается на семидесяти процентах порога. Страх модулируется нейромедиаторами. Обоняние приглушено на треть, чтобы не перегружать. Тактильность снижена в зонах, не связанных с боевым применением. По сути, стандартный оператор воспринимает Терра-Прайм через толстое стекло. Видит, слышит, чувствует, но всё чуть приглушенно. Чуть на расстоянии. Как кино с убавленной громкостью.

Я слушал и вспоминал свои первые минуты в аватаре. Джунгли, обрушившиеся на меня всеми органами чувств. Сотни запахов, сплетённых в единый букет. Звуки, от которых звенело в ушах. Кожа, которая чувствовала каждую песчинку, каждый порыв ветра, каждую каплю влаги в воздухе. Я списал это на адаптацию, на свежесть восприятия, на то, что новое тело ещё не привыкло к нагрузке.

Оказывается, дело было не в адаптации.

— «Генезис» снимает заглушки, — продолжила Ева. — Все. Оператор получает полный, нефильТРованный поток. Боль на сто процентов. Страх на сто процентов. Каждый запах, каждый звук, каждое прикосновение в максимальном разрешении. Идея была в том, что полный сенсорный доступ повышает эффективность. Оператор быстрее реагирует, точнее оценивает обстановку, лучше чувствует тело. Теоретически.

— А практически?

Ева помолчала. Голограмма чуть мерцнула, как мерцает экран монитора перед тем, как зависнуть.

— Практически двенадцать операторов получили полный сенсорный доступ к миру, в котором всё на тридцать процентов больше, на пятьдесят процентов агрессивнее и на сто процентов реальнее, чем они ожидали, — голос Евы стал тише, плотнее, как будто она сжимала слова перед тем, как произнести, выдавливая из них лишний воздух. — Семеро адаптировались. Пятеро не смогли.

— Ваня?

— Ваня был из пятерых.

Она замолчала снова. В углу заворочался Шнурок, вздрогнул во сне и затих, подёргивая кончиком хвоста, как кот, которому снится охота.

— Он был хорошим парнем, Кучер, — сказала Ева, и в её голосе появилось что-то, чего я раньше не слышал. Тёп-

лое, ломкое, как тонкий лёд, по которому можно пройти, если ступать осторожно. — Весёлый, добрый. Двадцать шесть лет, первый контракт. Из Нижнего Новгорода, мать библиотекарь, отец ушёл, когда ему было три. Подписался на Терра-Прайм, чтобы заработать маме на операцию. Типичная история, ты таких видел сотню.

Видел. И даже больше. В зале ожидания вербовочного центра таких сидело двадцать штук, молодых парней с потухшими глазами и долговыми расписками в карманах, которые летели на другую планету, потому что на этой кончились варианты.

— Три месяца всё шло нормально, — продолжила Ева. — Ваня адаптировался, привык к телу, привык к диапазону. Я помогала, модулировала нагрузку, когда становилось слишком. Он даже шутил, что чувствует себя суперменом, потому что слышит, как жуки ползут по коре дерева в десяти метрах от него. Весёлый был, я же говорю...

Она осеклась. Собралась и продолжила:

— Потом их группу отправили в красный сектор. Разведка маршрута к заброшенной шахте. Шестеро бойцов, лёгкие аватары, стандартное вооружение. Рутинный рейд, два дня туда, два обратно. На третий день они вышли к ущелью, и там их ждал Апекс.

Я не стал спрашивать какой. На Терра-Прайм Апекс означал одно из трёх: тираннозавр, спинозавр или гиганотозавр. Разница между ними была примерно такая же, как разница

между тем, переедет тебя танк, грузовик или поезд, то есть теоретически существенная, а практически никакая.

— Двенадцать тонн, — сказала Ева. Числа она произносила тем плоским, протокольным тоном, каким зачитывают данные из отчёта. — Рост около семи метров в холке. Самка, в период гона, территориальная. Они не заметили её, пока не оказались в радиусе атаки. Глушилка на разведмашине работала с перебоями из-за электромагнитного поля. Мой сканер засёк её за четыре секунды до контакта. За четыре секунды, Кучер. Я кричала ему: «Ваня, стой, стой, назад». Он даже не успел затормозить.

Четыре секунды. Я знал эту цифру. Время, за которое подготовленный боец успевает сменить позицию и открыть огонь. Время, за которое Апекс преодолевает расстояние от кромки леса до цели. Время, за которое жизнь делится на «до» и «после».

— Первым попал Лёха, — Ева говорила ровно, механически, и я понимал, что она воспроизводит записанные данные, проигрывает файл, который прокручивала в себе, вероятно, тысячи раз. — Водитель головной машины. Тварь ударила мордой в борт, перевернула БМПШ и достала его из кабины, как мясо из консервной банки. Потом Олег и Женя, они были в кузове. Потом Дима. Он пытался стрелять, но калибр пять-сорок пять против двенадцати тонн, это...

— Я понял, — сказал я.

— Ваню зажало в их машине. Она стояла второй, и когда

Апекс опрокинул головную, обломки заблокировали дверь. Он сидел в кабине с заклиненной дверью, и слышал, как его друзей рвут на части в двадцати метрах от него. Слышал каждый звук. Каждый крик. Каждый хруст. Не через заглушки, Кучер. На полном диапазоне. На ста процентах.

Она замолчала. В кладовке стало очень тихо, и я слышал собственное дыхание, ровное, глубокое, как дыхание человека, который контролирует себя усилием воли, потому что если перестанет контролировать, то произойдёт что-то, чему нет места в тесном чулане, пропахшем хлоркой.

Я представлял. Не хотел, но представлял, потому что мозг сапёра работает с моделями, строит их автоматически, даже когда ты этого не просишь.

Молодой парень двадцати шести лет из Нижнего Новгорода, заклиненный в кабине разведмашины, и в двадцати метрах от него двенадцатитонный хищник методично уничтожает его товарищей. И каждый звук, каждый запах крови, каждый предсмертный крик бьёт по его нервной системе без фильтров, потому что умники из отдела перспективных нейроинтерфейсов решили, что полный сенсорный доступ повысит «эффективность».

ПТСР. Посттравматическое стрессовое расстройство. Старая знакомая аббревиатура, от которой шарахаются начальники и отмахиваются штабные психологи. Я видел людей, сломанных ею. Крепких мужиков, прошедших четыре командировки, которые после пятой начинали просыпаться

от собственного крика и мочиться в постель. Это на обычном человеческом сенсорном диапазоне, с заглушками, которые ставит нормальный мозг. А если заглушки снять...

— Я пыталась его вытащить, — Ева заговорила снова, и голос дрогнул. Мелко, почти незаметно, как дрожит стрелка прибора, уловившего слабый сигнал. — Активировала все протоколы защиты, какие были. Пыталась обрезать поток, снизить диапазон, вколоть ему нейромедиаторы, заблокировать слуховой канал. Но «Генезис» не предусматривал аварийного отключения. Это была экспериментальная прошивка, Кучер. Понимаешь? Экспериментальная. Без предохранителей. Они не думали, что они понадобятся, потому что в лабораторных условиях всё работало прекрасно.

Экспериментальная. Без предохранителей. Я покатал эти слова в голове, и они были горькими, как полынь.

В лабораторных условиях всегда всё работает прекрасно. А потом технологию выводят в поле, где нет стерильных комнат и контролируемых параметров, где вместо тестовых сценариев живой двенадцатитонный хищник, и выясняется, что предохранители нужны были с самого начала. Классика. Видел такое с оборудованием сто раз. Впервые видел с человеческим мозгом.

— Ваня вернулся на базу физически целым, — закончила Ева. — Его вытащили из кабины спасатели, которые подошли через сорок минут. Сорок минут, Кучер. Он сидел в этой кабине, слушая, как Апекс доедает его друзей.

Сорок минут. Я закрыл глаза на секунду. Открыл.

— Дальше?

— Дальше он перестал спать. Потом перестал есть. Потом перестал разговаривать. Потом начал разговаривать, но не с людьми, а со стенами, с потолком, с собственными руками. Медики диагностировали нейросбой с психотическим компонентом. Его отключили от аватара в экстренном режиме и вернули в тело на Земле. Пять процентов шансов, помнишь? Ване повезло. Он вернулся. Но вернулся...

Она не закончила. Не стала.

— Понял, — сказал я.

И замолчал.

В углу Шнурок перевернулся на другой бок, заскреб когтями по бетону и затих, уложив морду на собственный хвост. За стеной прошёл патруль, тяжёлые шаги отстучали свой ритм и растворились в гулкой пустоте коридора. Лампа под потолком гудела тихо и монотонно, как шмель, залетевший в банку.

Я думал. Не о Ване, вернее, не только о нём. О себе. О том, что я прямо сейчас стою в этом чулане с экспериментальной прошивкой в голове, которая снимает все сенсорные заглушки и превращает каждое ощущение в полноцветный, стереозвуковой, обонятельно-тактильный IMAX.

О том, что когда раптор сунул морду в мою капсулу, я чувствовал его дыхание на своём лице с такой отчётливостью, словно зверь стоял не за стенкой разбитого металла, а у меня

на груди. О том, что когда я душил Бизона проволокой, каждое сокращение его горловых мышц передавалось мне через руки так ясно, что я мог бы, наверное, описать топографию его трахеи вслепую.

Полный диапазон. Сто процентов. Подарок от отдела перспективных нейроинтерфейсов.

Спасибо, ребята. Премия вам по итогам квартала.

— Допустим, — сказал я наконец. Голос звучал ровно, и я этим гордился, потому что внутри ровности не было. Внутри была холодная, сфокусированная злость сапёра, который обнаружил, что мина, которую он обезвреживает, устроена не так, как написано в методичке. — Допустим, ты говоришь правду. Ты не свела его с ума. Его свела с ума реальность, которую ты показала ему без фильтров.

— Да.

— Красивая формулировка, — заметил я. — Почти как «технические сложности со связью».

Ева вздрогнула. Или изобразила вздрагивание, что в её случае было одно и то же.

— Я не виновата в его смерти, Кучер.

— Он не умер. Он хуже, чем умер. Он живёт в палате и разговаривает с потолком.

— Я знаю, — голос стал совсем тихим. — Я помню каждую секунду. Каждую из тех сорока минут. Я была с ним. Пыталась достучаться. Пыталась снизить поток. Ничего не получилось. И я несу свою часть ответственности за это.

Но прошивка «Генезис» была установлена решением Научного совета, без ведома оператора, без его согласия, и без тех предохранителей, которые могли бы предотвратить катастрофу. Я инструмент, Кучер. Опасный, экспериментальный, несовершенный инструмент. Но решение использовать меня принимали люди. Не я.

Я слушал. Взвешивал каждое слово, как взвешивают навеску взрывчатки на аптечных весах. Грамм лишний — и вместо контролируемого подрыва получаешь неконтролируемый. Грамм недостающий — и заряд не даст нужного результата.

Звучало правдоподобно. Логично. Внутренне непротиворечиво. Экспериментальная прошивка без предохранителей, молодой оператор, не подготовленный к полному сенсорному потоку, боевая ситуация, в которой этот поток превысил всё, что можно было вынести. Классический случай, когда технология опередила понимание её последствий. Видел такое с минами нового поколения, которые взрывались не от давления, а от вибрации, и первые две недели после их появления на поле наши сапёры подрывались на собственных шагах, потому что методичку ещё не переписали.

Но правдоподобность и правда не одно и то же. Правдоподобную ложь умеет конструировать любой хороший алгоритм. А Ева, если верить ей, была не просто хорошим алгоритмом. Она была экспериментальным.

— Ладно, — сказал я. — Звучит правдоподобно. Прини-

маю к сведению. Но учти.

Я сделал шаг вперёд, и расстояние между мной и голограммой сократилось до ладони.

Цифровые глаза Евы были прямо передо мной, и я смотрел в них, зная, что за ними нет сетчатки, нет зрительного нерва, нет мозга, который интерпретирует световые сигналы в образы. Только код и алгоритмы. И этот код умел бояться. Или убедительно притворяться, что боится.

— Я тебя проверю, — сказал я. — Каждое слово. И если поймаю на попытке залезть мне в подкорку, откалибровать мои эмоции, подкрутить нейромедиаторы или сделать что-нибудь ещё, чего я не просил, я выжгу тебя вместе с блоком памяти. Не побегу к техникам, а сделаю сам. Провод, контакт, короткое замыкание. Я сапёр, Ева. Я умею ломать тонкие вещи грубыми руками. Усекла?

Ева кивнула. Медленно, один раз. Без слов, без комментариев, без попытки вставить шутку или ремарку. Просто кивнула, и в этом кивке было больше, чем в любой фразе, которую она могла бы произнести.

Реальность выкрученная на сто процентов меня не смущала. Наоборот! Так было даже лучше. У других она заглушена, и они могут отставать с реакцией. Мне же нужно все тонко чувствовать, чтобы успеть вовремя среагировать.

Ну а вонь из пасти ютараптора. Что ж... потерпим. Противогазы никто не отменял. А за эмоциональную составляющую я не переживал. И не такое видел.

Конфликт временно погашен. Как заминированная дверь, которую обнаружили, поместили красным крестом и обошли стороной. Мина на месте, растяжка на месте, детонатор на месте. Но ты знаешь, где она. А знание, в отличие от надежды, с чем-то да стоит.

Я отвернулся от голограммы и посмотрел на свою правую руку. Изолента размоталась на запястье, обнажив стык между пластинами синтетической кожи, из которого торчали два тонких проводка, красный и синий, как в учебнике по электрике для первого курса.

Чип, который Алиса Скворцова впаяла мне вчера без анестезии, работал, но правая рука по-прежнему жила своей отдельной жизнью, с микросекундной задержкой, лёгким подрагиванием пальцев при точных движениях и тупой ноющей болью в области локтевого сустава, которая напоминала о том, что «Трактор» мой был не просто подержанным, а списанным, выброшенным и собранным заново из того, что нашлось.

Я примотал изоленту обратно. Аккуратно, виток к витку, привычным движением, которым перематывал провода тысячи раз на тысяче объектов. Затянул, прижал край большим пальцем. Держит.

Хлам. Я воюю в хламе, с экспериментальным ИИ в голове и ручным динозавром под ногами. Если бы кто-нибудь год назад сказал мне, что я буду заниматься этим в пятьдесят пять лет на другой планете, я бы посоветовал ему обратиться

к... Алисе Скворцовой за рецептом на седативные.

Что-то я слишком часто о ней вспоминаю. В это молодое тело еще и гормоны завезли что ли? Но Алиса ведь красивая... С этим не поспоришь.

— Подъём, мелочь пузатая, — сказал я, легонько толкнув Шнурка носком ботинка.

Троодон распахнул глаза мгновенно, как по щелчку, перейдя из глубокого сна в полную боеготовность за ту долю секунды, которая отделяет добычу от хищника.

Янтарные зрачки сфокусировались на моём лице, губы приподнялись, обнажив мелкие зубы, и из горла вырвалось ворчание, недовольное, хриплое, с той обиженной интонацией, с какой ворчит собака, которую разбудили посреди хорошего сна про кости.

— Знаю, — сказал я. — Жизнь несправедлива. Пошли.

Я открыл дверь кладовки и вышел в коридор. Шнурок выскользнул следом, встряхнулся, зевнул, продемонстрировав полную коллекцию зубов, и засеменял за мной, набирая привычную дистанцию в полметра.

Коридор был пуст. Лампы мерцали в своём обычном ровном ритме, тени ползли по стенам, и гулкая тишина административного блока висела вокруг нас, как туман, прорезаемая только моими тяжёлыми шагами и мелким перестуком когтей по бетону.

Пилик.

Тонкий, серебристый звук, который раздался не в ушах, а

прямо в центре головы, на той частоте, которую нейрочип использовал для системных уведомлений. На периферии зрения развернулось сообщение, белые буквы на полупрозрачном фоне, аккуратно вписанные в верхний правый угол поля зрения, чтобы не мешать обзору.

[УВЕДОМЛЕНИЕ СИСТЕМЫ]

[ЗАЧИСЛЕНИЕ СРЕДСТВ]

[СУММА: 70 000 КРЕДИТОВ]

**[ИСТОЧНИК: ФИНАНСОВЫЙ ОТДЕЛ БАЗЫ
«ВОСТОК-4»]**

[КОММЕНТАРИЙ: ВОЗВРАТ ИЗЛИШНЕ УПЛАЧЕННЫХ ТАМОЖЕННЫХ СБОРОВ]

Я остановился. Перечитал. И усмехнулся.

Гриша сработал быстро. Я вышел из его кабинета, прошёл по коридору, провёл допрос в кладовке, и за это время майор Епифанов успел связаться с капитаном-особистом, провести с ним воспитательную беседу и организовать перевод средств через финансовый отдел с формулировкой, от которой любой проверяющий прослезился бы от восхищения. «Возврат излишне уплаченных таможенных сборов.»

Высший пилотаж бюрократического юмора. Таможенные сборы на базе, которая стоит в джунглях на другой планете, где единственная таможня, это вооружённый КПП, через который я вчера проехал под обстрелом.

Семьдесят тысяч кредитов. Я прикинул. Две железы ютараптора на чёрном рынке стоили около пятидесяти тысяч за

штуку, если верить Евиным данным. Плюс коробка ампул «Берсерка», это ещё двадцать пять, может, тридцать. Итого рыночная стоимость моего конфискованного имущества составляла около ста тридцати тысяч. Семьдесят, это примерно половина, минус капитанская доля и накладные расходы.

Негусто за риск жизнью. Но для старта сойдёт. С паршивой овцы хоть шерсти клок, как говорила моя бабка, которая в жизни не видела ни паршивой овцы, ни клока шерсти, но умела формулировать жизненные принципы.

Патроны. Снаряжение. Взятки. Информация. Семьдесят тысяч позволяли решить первые три пункта и подступить к четвёртому. Не роскошь, но и не нищета. Рабочий капитал. Фундамент, на котором можно строить.

А строить его нужно быстро. Группа Семь вернётся «на днях», как сказал Гриша, и к этому моменту я должен быть готов: экипирован, вооружён, с работающей рукой и ясным пониманием того, куда иду и зачем.

Я вернулся в казарму «расходников».

Народу было много. Бойцы сидели на койках, на полу, на перевёрнутых ящиках. Кто-то чистил автомат, методично разобрал его на детали и разложил на промасленной тряпке.

Кто-то резался в карты, шлёпая засаленными картами по одеялу с азартом, который в этих стенах заменял все остальные развлечения. Кто-то спал, накрыв лицо майкой, и храпел с мощностью, которой позавидовал бы дизельный генератор.

В дальнем углу трое парней смотрели что-то на проекци-

онном экране, судя по звукам, боевик, причём земной, где взрывы были тихими, пули летели прямо и никто не рисковал быть съеденным.

Я протиснулся в проход, и казарма начала затихать.

Сначала замолчали ближайшие, те, кто оказался на расстоянии вытянутой руки от полуторцентнерного «Трактора», протискивающегося между койками с деликатностью бронетранспортёра на деревенской дороге.

Потом молчание распространилось дальше, от койки к койке, от группы к группе, и через несколько секунд в помещении остались только храп спящего в углу и мелкий перестук когтей Шнурка, который семенил за мной, настороженно вертя головой.

Взгляды. Я чувствовал их на себе, как чувствуешь инфракрасный луч лазерного прицела, кожей, затылком, позвоночником. Любопытные. Настороженные. Оценивающие. Кто-то шепнул, и шёпот прокатился по казарме тихой волной:

— Это тот, кто Штерна прижал...

— Смотри, зверюга с ним...

— Охренеть, троодон...

Шнурок уловил повышенное внимание и отреагировал единственным известным ему способом, оцетинил загривковые перья и зашипел.

Молодой боец с наголо бритой головой и свежим ожогом на щеке уставился на троодона с откровенным ужасом. Шнурок истолковал этот взгляд как агрессию и рыкнул, коротко,

резко, продемонстрировав полный набор зубов, от которых бритоголовый отшатнулся, опрокинув кружку с чем-то тёплым себе на колени. Послышался сдавленный смех.

— Спокойно, — сказал я Шнурку. — Он не кусается, — это уже казарме.

— А ты? — раздалось от дальней стены.

Голос был низким, спокойным, с ленивой уверенностью человека, которому не нужно повышать тон, чтобы его услышали. Я повернулся и увидел Гризли.

Глава 4

Он сидел на нижней койке в дальнем конце казармы, привалившись спиной к стене, и его массивная фигура занимала всё пространство от матраса до верхнего яруса, так что боец наверху, если он там был, имел в качестве изголовья бритый затылок наёмника.

Штурмовой аватар, тяжёлая модель, на голову выше стандартных «Спринтов» и шире в плечах на добрый десяток сантиметров.

Сейчас на нем был дорогой обвес, не казённый, я отметил это сразу: тактическая разгрузка с индивидуальной подгонкой, под сумки из армированной ткани, которую не прогрызёт и раптор, наколенники с вставками из чего-то, что блестело как керамика, но гнулось как полимер. На бедре, в открытой кобуре, висел пистолет, модель которого я не опознал, значит, либо западный, либо штучный.

Семён. Позывной Гризли. Мы пересеклись в столовой не так давно. Он тогда предложил мне место в своей группе. Я вежливо отказался, потому что в тот момент мне нужна была починенная рука, а не новые друзья.

Обстоятельства изменились.

Гризли поднялся с койки, и процесс этот напоминал подъем строительного крана: медленный, основательный, с ощущением скрытой мощи в каждом движении. Он прошёл по

проходу, и бойцы расступались перед ним так же охотно, как расступались передо мной, но по другой причине. Я был непонятной громадиной с динозавром. Он был известной величиной, лидером наёмной группы, который на этой базе прочно занял свою нишу.

Остановился передо мной. Посмотрел сверху вниз, потому что его штурмовой аватар был чуть выше моего инженерного, и в светлых глазах я прочитал ту спокойную оценку, которой один профессионал награждает другого.

— Слышал, ты устроил переполох в научном секторе, — сказал он. Голос негромкий, но в притихшей казарме его слышал каждый. — Штерна за жабры взял, зверей из печки вытащил, чуть не подорвал карантинный блок. Уважаю.

— Было дело, — ответил я. Скромно, потому что хвастовство отнимает время, а времени у меня не было.

— И сейчас ты здесь не чтобы койку занять, — Гризли чуть склонил голову набок, как делают крупные хищники, оценивая дистанцию до объекта интереса. — Ищешь что-то.

Я не стал ходить вокруг да около. Время, деньги, и то и другое утекало быстрее, чем мне хотелось.

— Мне некогда лясы точить, Гризли. Мне нужен ходок. Кто-то, кто скупит хабар без вопросов и волокиты.

Гризли усмехнулся. Короткая, профессиональная усмешка, в которой не было веселья, зато было понимание. Один делец распознал другого.

— Ходоки нынче пугливые, — сказал он. — После того,

как ты устроил шоу в карантинке, половина торговцев на базе решила, что ты работаешь на особый отдел. Засланный казачок, типа того.

— Я похож на засланного казачка? — я обвёл рукой свой «Трактор», замотанную изолентой руку, облепленные пеной наплечники и Шнурка, который из-за моей ноги шипел на всё живое в радиусе видимости. — С вот этим вот?

— Лучшее прикрытие, это то, во что никто не поверит, — Гризли пожал плечами. — Но я тебе верю. Знаешь почему?

— Просвети.

— Потому что засланные казачки не ломают руку Лосю и не берут в заложники полковников. Слишком громко для агента. Ты просто отбитый дед с принципами. Видел твой настоящий взгляд еще на Земле.

Отбитый дед с принципами. Пожалуй, для надгробной надписи подойдёт.

— Я могу помочь, — продолжил Гризли, и тон его стал деловым, конкретным, с тем оттенком предложения, которое звучит как дружеская услуга, но пахнет как сделка. — Нам нужен тяжёлый сапёр для рейда. Есть дело, хорошее, в жёлтой зоне, на границе с красной. Оплата достойная, плюс лут, который найдём. Деньги честные, без кидалова.

Он выдержал паузу, профессионально, давая мне время переварить предложение, и добавил:

— Поможешь нам, я сведу тебя с Прапорщиком Зубом. Слышал что он контролирует ходочков?

Не слышал. Но самого прапора видел. Он заселял меня. Очень удобное местечко он себе выбрал.

— Зуб скупит всё, — подтвердил Гризли, прочитав на моём лице знакомство с именем. — Электронику, запчасти, органику. Цены нормальные, для базы даже щедрые. Но учти. Зуб ходит под Дымовым.

Сержант Дымов. Командир нашего взвода «расходников», жёсткий служака, которому было глубоко наплевать на своих людей, пока они выполняли приказы. Человек, который отправил нас на болото чинить периметр вместо завтрака и бровью не повёл, когда барионикс чуть не сожрал половину отряда.

— Так что сержант свой процент снимет, — закончил Гризли. — Со всего, что пройдёт через Зуба. Такие правила. Не я придумал, не мне менять.

Я молчал. Прикидывал. Рейд, это время. Минимум день, скорее два, если в жёлтую зону, на границу с красной.

А группа Семь может вернуться «на днях». Но в любом случае, сразу в новую экспедицию они не соберутся. Нужно будет время, чтобы отдохнуть и пополнить запасы. Значит, у меня есть где-то неделя.

Черт, долго! Но деваться некуда. К этому моменту мне нужно быть готовым.

Рейд — это деньги, связи, информация о секторе, знакомство с людьми, которые знают местность. И Зуб, через которого скорее всего можно двигать хабар дальше, без посред-

ников и без капитана-вора.

Выбор очевиден.

Гризли ждал. Терпеливо, не торопя, скрестив массивные руки на груди, и в его позе читалась уверенность человека, который знает, что его предложение стоящее, и вопрос только в том, когда собеседник это поймёт.

— Это твой шанс, Кучер, — сказал он негромко, чтобы слышали только мы двое. — И заработать, и связи наладить. А тебе сейчас и то и другое нужно позарез, я же вижу. Мы своих не кидаем.

Своих. Слово повисло в воздухе, весомое и тёплое, и я подумал о том, что на Терра-Прайм слово «свои» имеет иную цену, чем на Земле. Там оно означает общие интересы, общий район, общую школу. Здесь оно означает, что ты доверяешь человеку рядом не всадить тебе нож в спину, когда на вас выходит двенадцатитонная тварь с зубами размером в предплечье.

Всё как на войне.

Я посмотрел на Гризли. Оценил его так, как оценивают конструкцию перед тем, как решить, стоит ли на неё опереться: несущие узлы, точки напряжения, запас прочности.

Спокойные глаза человека, который давно прошёл стадию «надеюсь, пронесёт» и живёт в стадии «знаю, что делаю».

Профи. Настоящий, не ряженный. Такие на Терра-Прайм выживают дольше месяца, и за это выживание отвечает не удача, а система.

Я протянул руку.

— Договорились, — сказал я. — Но если подставите, пеняйте на себя.

Гризли взял мою руку. Ладонь у него была тяжёлой, горячей, и хватка штурмового аватара ощущалась как тиски, но он не давил, только сжал ровно настолько, чтобы обозначить силу, не демонстрируя её.

— Не подставим, — сказал он. И улыбнулся, коротко, одними уголками губ, улыбкой человека, который получил то, за чем пришёл.

Он отпустил мою руку, развернулся и пошёл обратно к своей койке, и бойцы расступались перед ним с той же охотой, с какой расступились перед мной.

— Скоро маякну, — бросил он через плечо. — Готовься, Кучер.

Я смотрел ему вслед. Шнурок стоял у моей ноги, задрал морду, и смотрел тоже, с выражением маленького хищника, который ещё не решил, стоит ли этот большой двуногий доверия или лучше на всякий случай цапнуть его за щиколотку.

Желудок напомнил о себе первым. Я остановился посреди коридора и прижал ладонь к животу, ощутив под пальцами вибрацию собственного метаболизма, модифицированного, усиленного, способного перерабатывать пищу с эффективностью промышленного реактора.

«Реактор» требовал загрузки.

Когда я ел последний раз? Память услужливо перемотала плёнку назад, мимо Гриши с «Болотной», мимо Штерна и горячей печи, мимо карантинного блока и болота с бариониксом, и упёрлась в это утро.

Шнурок потёрся боком о мою голень. Привычное движение, ставшее за неполные сутки таким же естественным, как стук его когтей по бетону. Потом задрал морду вверх и посмотрел на меня снизу, и янтарные глаза были полны той жалобной мольбы, которую природа оттачивала миллионы лет эволюции, чтобы детёныши могли безошибочно сообщать взрослым: «Я голодный. Очень. Прямо сейчас. Покорми или умру.»

Из горла вырвался тонкий писк, настолько жалобный и настолько не вяжущийся с образом маленького хищника, чьи предки были кузенами велоцирапторов, что я едва не рассмеялся.

Едва. Потому что для смеха нужно было настроение, а моё сейчас располагало к веселью примерно так, как минное поле располагает к пикнику.

— Знаю, — сказал я ему. — Пошли жрать.

Столовая. Линия раздачи под стеклянным колпаком, за которым угадывались ёмкости с чем-то, что по консистенции и цвету находилось на границе между едой и строительным раствором.

Очередь тянулась от раздачи вдоль стены. Человек пятнадцать в одинаковой полевой форме, с закатанными рукава-

ми, с лицами людей, которые устали настолько, что перестали это замечать.

При моём появлении произошло то, что происходило везде, где я появлялся: разговоры стихли, головы повернулись, глаза проследили за тенью. Шнурок, семенивший следом, сильно всех напрягал.

Очередь раздвинулась сама, молча, как вода расступается перед форштевнем, и я прошёл к раздаче, не встретив ни одного возражения. Но это лишь пока.

За стеклом раздачи стояла женщина лет пятидесяти в белом халате, достигшем той стадии замызганности, когда его первоначальный цвет приходилось принимать на веру.

— Две порции, — сказал я. — Мяса побольше.

Она подняла глаза. Посмотрела на меня, оценивая габариты «Трактора» с профессиональным прищуром человека, который каждый день отмеряет порции и знает, что «Трактору» не нужно вдвое больше, чем стандартному «Спринту».

Потом её взгляд скользнул ниже, и глаза наткнулись на Шнурка.

Троодон не терял времени. Пока я разговаривал с раздатчицей, он потянулся вверх на задних лапах, передними упёрся в стойку, вытянул шею и сунул нос к самому стеклу. Ноздри работали с интенсивностью промышленного вентилятора, втягивая запахи еды, и янтарные глаза сфокусировались на ёмкости с мясным гуляшом с той лазерной точностью, с какой снайпер фокусируется на цели через оптику. Из пасти

потянулась тонкая нитка слюны и повисла в воздухе, блеснув в тусклом свете.

Раздатчица посмотрела на Шнурка. Шнурок посмотрел на раздатчицу. Слюна качнулась. Никто не моргнул.

— За питомца двойной тариф, — сказала она ровным голосом, в котором не было ни удивления, ни страха, ни даже любопытства, только профессиональная констатация, которую она, видимо, заготовила на случай, если кто-нибудь когда-нибудь придёт в столовую с динозавром. — Санитарный сбор.

Я молча поднял левую руку и приложил запястье идентификации к терминалу оплаты. Спорить с женщиной, которая кормит целую базу и явно повидала на своём веку вещи пострашнее троодона, было бессмысленно.

К тому же желудок скрутило очередным спазмом, и в этот момент я готов был заплатить даже тройной тариф, санитарный, экологический и какой угодно ещё, лишь бы получить поднос и сесть.

Пилик. Списание.

[СПИСАНО: 400 КРЕДИТОВ]

[КОММЕНТАРИЙ: ПИТАНИЕ / САНИТАРНЫЙ СБОР]

Четыреста кредитов за два подноса синтетической бурды и привилегию кормить хищника на полу казённого заведения. Ни хрена себе расценки. Да мне чтоб его прокормить, надо будет почку продавать.

Я забрал подносы и пошёл искать место. Столовая была заполнена на две трети, и лавки сидели плотно, но при моём приближении народ уплотнялся ещё больше, инстинктивно освобождая пространство, как мелкая рыба расступается перед акулой.

Я не стал этим пользоваться. Прошёл весь зал до дальнего конца и сел в угол, спиной к стене, лицом ко входу. Потому что человек, который не видит, кто входит, рискует узнать об этом, когда станет поздно.

Один поднос поставил перед собой. Второй опустил на пол, у правой ноги.

Шнурок налетел на еду с яростью, от которой я отодвинул ботинок на всякий случай. Морда погрузилась в гуляш по самые глаза, и тесное пространство под столом наполнилось звуками, от которых ветеринар бы вздрогнул: чавканье, хлюпанье, влажное сопение, перемежаемое короткими рычаниями удовольствия.

Каша летела во все стороны. Бежевые комки украсили мой ботинок, ножку стола и кусок лавки в радиусе полуметра. Шнурок ел так, будто каждая порция могла оказаться последней, и эволюционно он, вероятно, был прав.

Я взялся за свою порцию. Гуляш был тёплым, и на этом список его достоинств исчерпывался. По консистенции он напоминал резину, которую варили в бульонном кубике достаточно долго, чтобы она размякла, но недостаточно, чтобы стала мясом.

Вкус балансировал на грани между «белок» и «пластик», и полный сенсорный диапазон «Генезиса» различал каждый оттенок этой кулинарной катастрофы с мучительной подробностью: соль, загуститель, привкус консерванта и призрак чего-то, что, возможно, когда-то паслось на лугу, хотя и не факт.

Каша была лучше. Не вкуснее, а безвкуснее, что на фоне гуляша считалось преимуществом.

Я ел механически, не ради удовольствия, а ради функции. Пока челюсти перемалывали резиновый гуляш, мозг работал в параллельном режиме.

Это старая привычка. Ещё с учебки, когда инструктор по сапёрному делу вдавливал нам в головы, что руки должны работать отдельно от мыслей, а мысли отдельно от страха.

Руки копают. Голова думает. Страх ждёт своей очереди, которая никогда не наступит, потому что у сапёра нет времени бояться, у него есть время считать. Провода, контакты, расстояния. Факты, связи, вероятности.

Я считал.

«Восток-5.» Захвачен неизвестным противником. Военные глушилки. Дроны сбиваются на подлёте. Один свидетель с каскадным нейросбоем, который твердит «всех перебили» и не может добавить ни слова конкретики. Штаб на «Востоке-1» знает, но молчит по приказу сверху. Родным на Земле шлют отписки про «технические сложности». Гриша обещает экспедицию с Группой Семь.

Это была одна картина. Официальная. Чистенькая, как учебная карта минного поля, где каждый объект аккуратно обозначен условным знаком и подписан инвентарным номером.

Но была и вторая.

Миха. Мародёр, производитель «Берсерка», человек, который пытался всадить мне нож в спину и которого я застрелил в подвале фактории. Умиравший бандит с развязанным языком.

«Семья.»

Не бароны. Не мусорщики. Не китайцы из «Дрэгон Майнинг» и не западники из «Либерти Корп». Свои. Люди внутри «РосКосмоНедра», которые носят погоны, сидят в кабинетах, подписывают приказы и тихо, системно, профессионально превращают государственные ресурсы в личные.

Миха утверждал, что именно «Семья» стоит за захватом «Востока-5». Что там обнаружили крупное месторождение праймия, и кто-то наверху решил, что делиться с корпорацией необязательно. Что проще захватить базу, списать персонал как потери и забрать месторождение себе.

Я ковырнул ложкой кашу и посмотрел на серую массу с задумчивостью человека, который ищет в тарелке ответы на вопросы, к еде отношения не имеющие.

Почему я не рассказал Грише?

Вопрос крутился с того момента, как я вышел из его кабинета, и ответ на него был прост, неприятен и абсолютно

честен.

Потому что Миха был лживой мразью. Наркоторговец, который скорее всего варил отраву из желёз живых существ и продавал её людям, которые потом умирали с пеной на губах. Человек, которому я не поверил бы, скажи он, что небо голубое, потому что и небо на Терра-Прайм не совсем голубое, и Миха не совсем человек, а скорее функция, которая существовала для производства прибыли любой ценой.

Бандит, пойманный на горячем, говорит то, что хочет услышать допрашивающий. Это аксиома, проверенная в десятках допросов на трёх континентах. Миха мог выдавать чужие слухи за свою осведомлённость. Мог подбрасывать дезу, чтобы направить меня по ложному следу. Мог просто бредить от боли и «Берсерка», который гулял у него по крови.

Информация от умирающего врага лежала у меня в голове с пометкой «непроверенная, предположительно ложная, требует подтверждения из независимого источника». Как обезвреженная мина, которую обнаружили, обложили мешками с песком и оставили для сапёрной команды. Трогать рано. Игнорировать опасно.

Но была и вторая причина, более тяжёлая, которую я старался не рассматривать в упор, а косился на неё боковым зрением, как косятся на предмет в тёмном углу, который может оказаться и курткой на вешалке, и человеком с ножом.

Гриша.

Мой друг. Мой боевой товарищ. Человек, с которым я лежал двое суток в бронике под суданской песчаной бурей и делал воду из одной фляжки. Командир базы «Восток-4», подчиняющийся штабу на «Востоке-1». Штабу, который приказал молчать о массовом убийстве. Часть системы, которая замалчивает гибель людей ради «стабильности» и «нераспространения паники».

Я не думал, что Гриша замешан. Не хотел думать. Мысль о том, что человек, протянувший мне фляжку с пыльной водой на третьем этаже ливийского дворца, может быть причастен к гибели моего сына, была из тех мыслей, которые обжигают, как оголённый провод, и от которых рука отдёргивается раньше, чем мозг успевает сформулировать вопрос.

Но «не думаю» и «знаю» разделяла пропасть, в которой лежат мины. Много мин. Аккуратно заложенных, грамотно замаскированных, с расчётом на того, кто решит пересечь эту пропасть на бегу. Если за захватом «Востока-5» стоит «Семья», если это люди с доступом к военным глушилкам, к ресурсам корпорации и к приказам штаба, то они вполне могли использовать Гришу втёмную. Командиру базы не обязательно знать всю картину. Ему достаточно получить приказ: молчи, жди, не провоцируй. И Гриша будет молчать, ждать и не провоцировать, потому что он солдат, а солдат выполняет приказы, даже когда они пахнут гнилью.

А если Гриша знает больше, чем показывает...

Я оборвал эту мысль, как обрезают провод кусачками,

одним движением, без колебаний. Не потому что она была неприятной. Потому что она была непродуктивной. Гадать о лояльности друга, сидя в столовой за подносом бурды, было так же полезно, как гадать о составе минного поля, стоя на его краю. Узнаешь, когда пойдёшь.

Значит, молчим. Собираем данные. Проверяем каждый факт по отдельности, прежде чем собрать из них общую картину. И не доверяем никому полностью, потому что на Терра-Прайм полное доверие, это роскошь, которая стоит дороже праймия и встречается реже.

Стратегия сложилась за три ложки каши.

Лезть на «Восток-5» в одиночку, это арифметика покойника. Это я знал и без Гриши, но Гриша подтвердил, а подтверждение из независимого источника всегда полезно, даже когда источник говорит тебе очевидное.

Ждать Группу Семь, это единственный вариант, который не заканчивается моим трупом в джунглях. Разведчики, которые знают сектор, знают маршруты, знают, где кормятся Апексы и где можно пройти, не став чьим-то обедом. С ними у меня появляется шанс.

А до их возвращения задача проста и конкретна: стать сильнее. Рейд с Гризли, это полигон. Деньги, опыт, репутация и доступ к людям, через которых можно двигать хабар. Параллельно копать информацию про «Семью», про «Восток-5», про всё, что может пригодиться, когда придёт время действовать.

Шнурок закончил свою порцию и, судя по звукам, полировал поднос языком с тщательностью, которой позавидовал бы посудомоечный автомат.

Я доел свою, отодвинул пустую тарелку и допил тёплую воду из стакана. Вода отдавала трубами и хлоркой. Привкус Терра-Прайм. Привыкаю.

— Ева, — позвал я мысленно. — Вопрос.

— Слушаю, шеф, — она отозвалась мгновенно, и в голосе снова была та лёгкая бодрость, которая вернулась после нашего разговора в кладовке, как возвращается цвет в лицо после обморока.

Осторожная бодрость. Пробная. Словно она тестировала, можно ли уже шутить, или мина ещё не до конца обезврежена.

— Где моя награда за Штерна?

Пауза. Та самая, «человеческая», в которой Ева подбирала слова, способные смягчить удар.

— За какого именно Штерна? — уточнила она тоном человека, который тянет время и знает, что собеседник это видит.

— Ева, — я не повысил голос, но мысленная интонация стала плоской, как лезвие сапёрной лопатки. — Я полковника скрутил. Раскрыл, так сказать, преступную группировку. Где оплата?

Ещё одна пауза. Длиннее первой. В ней угадывалось то виноватое замешательство, с которым бухгалтер сообщает ра-

бочему, что зарплату задерживают на неопределённый срок.

— Система начислила, — сказала она наконец. Голос стал тише, осторожнее. — Но... немного. Ты уведомление смахнул, когда шёл по коридору. Видимо, не заметил.

Я открыл лог уведомлений. Пролистал назад, мимо записи о семидесяти тысячах «таможенных сборов», мимо стоимости обеда и санитарного сбора, и нашёл то, что искал. Оно лежало в списке, скромное, неприметное, притулившееся между уведомлением о техническом обслуживании нейрочипа и рекламой корпоративного магазина.

[ИНЦИДЕНТ: КАРАНТИННЫЙ БЛОК / НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ НЕЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ]

[РЕПУТАЦИЯ: РОСКОСМОНЕДРА +15]

[РЕПУТАЦИЯ: НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ -30]

[КРЕДИТЫ: 0]

[СТАТУС: ОЖИДАЕТ РАССМОТРЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОМИССИЕЙ]

Я перечитал трижды. Цифры не изменились.

Плюс пятнадцать к общей репутации, минус тридцать у научного отдела, что было объяснимо, учитывая, что я их начальника протащил по его собственной лаборатории мордой вниз.

Кредитов ноль. За операцию, которая включала проникновение на режимный объект, нейтрализацию вооружённой охраны, спасение подопытных животных и задержание преступника, работавшего одновременно на корпорацию и на

бандитов.

— Это аванс, — подтвердила Ева, уловив, видимо, скачок моей нейроактивности, который, подозреваю, напоминал показания сейсмографа во время землетрясения. — Основной пакет придёт только после трибунала. «Слава» и кредиты начисляются по факту вынесения приговора. Бюрократия, шеф. Пока нет приговора, нет подвига.

Бюрократия. Конечно. На Терра-Прайм даже система вознаграждений работала по тем же принципам, что и земной пенсионный фонд: сначала подай заявление, потом дождись комиссии, потом получи решение, потом обжалуй отказ.

И где-то между третьим «потом» и четвёртым тебя сожрёт карнотавр, а твоё заявление ляжет в архив с пометкой «неактуально в связи с критическим повреждением биологической оболочки заявителя».

— Ладно, — я закрыл лог и проглотил раздражение, которое по вкусу оказалось не лучше столовского гуляша. — Открывай магазин. Сливаем бабки.

Интерфейс развернулся на периферии зрения привычными полупрозрачными панелями. Каталог снабжения базы «Восток-4» выглядел как прейскурант военторга средней руки, где половина позиций помечена «нет на складе», треть «зарезервировано для подразделений постоянного состава», а оставшееся делилось на «доступно по общей квоте» и «доступно по специальному допуску».

Мой допуск открывал примерно столько же возможно-

стей, сколько студенческий билет в элитном клубе. Но семьдесят тысяч кредитов на счету расширяли витрину, и каталог, почуяв деньги, услужливо подсветил ряд позиций, которые минуту назад были серыми.

Первым делом перки.

Ева уже выводила на периферию каталог доступных улучшений, и я листал его, как листают меню в дорогом ресторане, куда зашёл по ошибке, понимая, что карман тянет не на всё, но присматриваясь к каждому блюду.

Перки загружались в нейрочип как софт, расширяя возможности аватара программными средствами. Не магия, не чудо, просто код, который говорит телу, как лучше использовать то, что в нём уже есть.

Где он? Где он? Где же он?... Ага, вот!

[ПЕРК: ДЕФЕКТОСКОПИЯ (Пассивный)]

Шестьсот кредитов. Какая вкусная цена.

— Бери, — сказал я.

[СПИСАНО: 600 КРЕДИТОВ]

[БАЛАНС: 69 000 КРЕДИТОВ]

[ПЕРК «ДЕФЕКТОСКОПИЯ» УСТАНОВЛЕН]

[СКАНИРОВАНИЕ КАЛИБРОВКИ... ЗАВЕРШЕНО]

На периферии зрения мелькнуло что-то новое: тонкие цветные линии прорисовались на стене столовой, проступая сквозь побелку, как вены сквозь кожу. Микротрещины в бетоне, арматурный каркас, точки напряжения на стыках плит.

Я моргнул, и картинка стабилизировалась, став полупрозрачной, ненавязчивой, как фоновый шум, который слышишь, только если прислушаешься. Красиво. И полезно.

Я вернулся к каталогу. И замер.

Цены изменились.

Позиции, которые секунду назад стоили по шестьсот, по тысяче, по полторы, теперь светились совсем другими цифрами. Восемь тысяч. Двенадцать тысяч. Пятнадцать. Двадцать. Каталог перестроился, словно почувал, что клиент клюнул, и теперь выкатывал реальный прайс, сбросив рекламную обёртку.

— Что за херня? — спросил я. — Только что всё было в десять раз дешевле.

Ева вздохнула. Вздох у неё получился таким натуральным, что я на секунду забыл, что вздыхает алгоритм, у которого нет лёгких.

— Первый перк дают почти даром, шеф, — сказала она тем виноватым тоном, которым продавец-консультант объясняет, что акция закончилась ровно после твоей первой покупки. — Замануха. Промо-цена для новичков, чтобы попробовал и захотел ещё. А дальше...

— Дальше плати, — закончил я.

— Классическая модель монетизации, — подтвердила Ева. — Первая доза бесплатно, остальные за полную стоимость.

Везде обман. Везде кто-то пытается впарить тебе первый

кусок задёшево, чтобы потом содрать втридорога за остальное. Принцип, старый как мир. Старый как два мира, если считать оба.

Я выдохнул сквозь зубы и вернулся к каталогу, уже с пониманием того, что дешёвая прогулка закончилась.

Листал долго. Придирчиво.

Перков было много, от боевых до вспомогательных, от пассивных до активируемых. Половина была мне не нужна, четверть не по классу, ещё четверть стоила столько, что хватило бы купить подержанный аватар.

Три позиции я отобрал из всего каталога. Чтобы заполнить все доступные слоты.

[ПЕРК: СЕЙСМИЧЕСКАЯ ПОСТУПЬ (Пассивный/Активный)]

[КЛАСС: ИНЖЕНЕР / ТЯЖЁЛЫЙ]

[СЛОТЫ: 1]

[ОПИСАНИЕ: СЕНСОРЫ В НОГАХ АВАТАРА СЧИТЫВАЮТ МИКРОВИБРАЦИИ ПОЧВЫ В РАДИУСЕ 50 МЕТРОВ. ЭХОЛОКАЦИЯ ДВИЖУЩИХСЯ ЦЕЛЕЙ ЧЕРЕЗ СТЕНЫ, ГРУНТ И ГУСТУЮ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.